Любовь за гранью 9. Капкан для Зверя

Автор:
Ульяна Соболева

Любовь за гранью 9. Капкан для Зверя

Ульяна Соболева

Любовь за гранью #9

Она могла простить ему все, она прощала ему всё, потому что верила в него как никто другой. Но всему приходит конец. Есть вещи, которые простить и забыть невозможно. Слишком много потерь, сомнений, лжи… Так много лжи, что ей кажется, она захлебнулась ею, и в его глазах, в которых она обретала веру и силы бороться за их любовь, больше нет ее отражения. Это финал, когда, возможно, каждый из них пойдет своей дорогой. Только никто не знает, куда эта дорога приведет и сколько крови на ней прольется. Какой ценой они получат свободу друг от друга и свобода ли это?

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Любовь за гранью 9. Капкан для Зверя

ПРОЛОГ

– Вы должны подписать здесь и здесь. Без вашего разрешения мы не можем начать поставки товара.

Я посмотрела на Джо, моего консультанта-секретаря и скептически поджала губы.

– Я подпишу только после того, как мне предоставят полный отчет. Полный, Джо.

– Но Николас…

Я постучала костяшками пальцев по столу, раздражаясь.

– Мне наплевать, как вы работали раньше. Сейчас я правлю кланом, и я решаю, каким образом мне вести бизнес с моими партнерами. Бумаги об отчетности мне на стол. Ты свободен, Джо.

– Я просто хотел сказать, что господин Мокану уже давно лично проверил поставщика. Так как он проверяет…несколько секунд он отвел взгляд.

– Я в этом не сомневаюсь, но проверю еще раз. Господин Мокану больше не ваш босс. Теперь я решаю, как вы будете дышать, смотреть, двигаться и говорить, я так же могу решить, что вам больше совершенно не нужно делать ничего из вышеперечисленного, и в таком случае от вас останется горстка пепла.

Он сглотнул, и я увидела, как дернулся его кадык, а над верхней губой появились капельки пота. В воздухе витал запах страха…и мне он нравился. Да, с некоторых пор он начал мне нравится, иногда это пугало.

Опустила голову, рассматривая на экране ноутбука особняки в пригороде. Вчера я купила новый дом. Просторный, уютный, очень светлый. С утра слуги уже перевезли в него все вещи.

– Госпожа?

С раздражением посмотрела на секретаря.

– Вы еще здесь?

– Полчаса назад пришли бумаги о продаже вашего дома. Сделка состоялась. Через неделю въедут новые владельцы.

Я кивнула и снова перевела взгляд на экран.

– Отличная работа, Джо. Очень быстро.

Он не должен увидеть, как задрожали мои руки, и слышать, как несколько раз замерло сердце. Когда дверь за ним тихо закрылась, я захлопнула крышку ноутбука и уронила голову на руки, зарываясь пальцами в волосы. Вот и разорвана последняя ниточка с прошлым. С Ником.

Я ведь почти не думаю о нём. Почти. Нет, не потому что время лечит, а, скорее, потому что в этом нет смысла. Иногда приходят такие моменты, когда боль, выпитая до дна, притупляется, но она живет внутри тебя, даже дышит, и я знаю о ее существовании. Просто я ее больше не боюсь. Потому что мы с ней единое целое. Так человек смиряется с неизлечимой болезнью и учится с ней жить, подстраиваться под нее. Я научилась жить с болью.

Сколько времени прошло, как мы стали чужими и больше не виделись? Я потеряла ему счет. Вначале дни тянулись бесконечно, потом они переросли в месяцы, а дальше я перестала смотреть на календарь. Сейчас я жила совсем

другой жизнью. Я изменилась, все во мне стало другим, иногда казалось, что это и не я вовсе. О Нике я больше не слышала ничего. Возможно, если бы я захотела, я могла бы узнать, куда он уехал, где он сейчас, но я не хотела. Зачем лишний раз кормить мою боль, чтоб она подняла голову и начала сжирать меня? Кроме того, я могла узнать то, чего знать не хотела бы.

Жирная точка была давно поставлена, и я больше не собиралась превращать ее в многоточие. Я занималась делами Братства. Хотя мой бывший муж и передал правление отцу, я настояла, что справлюсь сама. И я справилась, полностью контролируя как торговлю, так и своих подчиненных. Поначалу это было непросто. Сверхсложно. Я не понимала ровным счетом ничего. Я злилась, рвала бумаги, выгоняла своих помощников за дверь, консультанты в моем присутствии бледнели. Сама от себя не ожидала такой агрессии, но я хотела понимать, чем

живет мой клан. Его Европейское ответвление. Со временем я разобралась, лично встречалась с партнерами, изучала эти чертовые договора, схемы, законы. Бывало, посреди ночи звонила отцу, и мы разбирались вместе. Через несколько месяцев я могла с легкостью вести все дела, которые вел Ник.

Но у меня была цель. Иная. И я не хотела, чтобы хоть кто-то узнал о ней раньше времени. Я собиралась сделать то, что до меня не смог никто. Для этого мне требовалось время и полное понимание всего, что происходит в Братстве, всей политики, всей изнанки и подноготной этого мира. Возможно, именно это давало мне много сил жить дальше.

Только иногда, по вечерам, когда я оставалась одна в своем новом просторном офисе и смотрела на ночные улицы Лондона, ловила себя на мысли, что опять его вспоминаю, смиренно выпуская боль на волю. Как сейчас, когда продала НАШ дом. Последнее, что оставалось нашим общим прошлым, кроме детей. Порвала тоненькую ниточку с ним…я надеялась, что порвала. Это как самая жестокая, затяжная ампутация без наркоза, когда даже после прошедшего времени все еще болят старые шрамы. Дико болят. Невыносимо.

И сейчас она не заставила себя ждать. Проклятая агония. Вырвалась наружу, пожирая, изматывая. Я позволила. Давай, терзай меня, сегодня я беззащитна. Сегодня можно. Я налила себе в бокал мартини и посмотрела в окно. Ведь та Марианна умерла. Сегодня я похоронила все, что от нее оставалось…у меня траур. Тронула щеку и отняла руку…слезы. Все же я плачу.

Этой ночью я позволю той Марианне снова метаться в агонии, выть от боли, ломать ногти, кусать губы до крови. В последний раз. А утром… утром я буду смотреть, как мои дети осматривают новый дом, как в него завозят наши вещи, буду улыбаться им и махать рукой из окна. Возможно, еще будут такие моменты, когда я снова стану прежней Марианной, только теперь ее больше никто не увидит. Никто не узнает, что она все еще жива, еще плачет о нем… нет, не вслух, плачет в душе, когда на лице надменная улыбка, а в глазах триумфальный блеск Княгини Европейского клана, перед которой трепещут, целуют руки, боятся сказать лишнее слово. Я сыграла по ней реквием, и каждый день слышу его последние аккорды.

Больше нет Марианны Мокану – она умерла. Есть Марианна Воронова, и она поставила перед собой цель, ради которой пойдет по трупам и по головам.

Глава 1

Я летел в самолёте, периодически с раздражением поглядывая на часы. Уже совсем скоро, через какие-то полтора часа я, наконец, увижу свою девочку. Марианна. Как же я соскучился по ней. Мы не виделись долгие шесть дней. Грёбаные шесть дней, которые я провёл во Франкфурте на переговорах с немцами по поставке нефтепродуктов. Обсуждения были слишком длительными и утомительными. Настораживало то, что большинство наших контрагентов заартачились, когда пришло время подписывать дополнительные соглашения к контрактам. Одни выдвигали свои условия, совершенно неприемлемые для нас, а другие начинали требовать уменьшения стоимости товаров, тонко намекая, что у них имеется возможность обратиться к другим поставщикам. Никаких сомнений не было, речь шла об Альберте Эйбеле. Чёртов ублюдок что-то затевал, но что? Один из особо болтливых партнёров шепнул сегодня, что немецкий выродок решил баллотироваться на приближающихся выборах. Он отлично понимал, кому пытается перейти дорогу. И не думаю, что он настолько глуп, чтобы не осознавать возможных последствий своих действий. В районе груди постепенно разливалось хорошо знакомое мне чувство. Липкое. Неприятное.

Смутное ожидание беды. Оно прокралось туда незаметно и исчезло практически сразу. Но, тем не менее, успело оставить после себя мерзкие следы. На данный момент никаких шансов обойти Влада у Эйбеля не было, и быть не могло, но что-то подсказывало: всё не так просто. Скорее всего, за спиной главы Северного клана стоят очень важные персоны, позволяющие ему вести подобную игру или даже использующие немца в собственных планах. Но кто бы это мог быть? Слишком много неизвестных для одной простой задачи. Если только эта задача на самом деле не из разряда сверхсложных. Надо будет сразу же созвониться с Владом и попытаться решить её вместе. Хотя… нет. Влад подождёт. Как и Эйбель. Как и всё чёртово Братство.

Я слишком истосковался по своей женщине, чтобы сломя голову нестись куда-либо, кроме её объятий. Представил, как обниму, и в висках зашумело. Прижму к себе и поцелую, кусая губы, причиняя боль, заставляя стонать и выгибаться навстречу мои жадным рукам и языку. Никакой нежности. Слишком долго я бы

без неё. Проклятье! В паху требовательно заныло. А ведь ещё предстоит поездка в этот благотворительный фонд. Перед посадкой на самолёт Марианна позвонила и сообщила, что едет на работу. Сегодня выступает Диана со своей труппой, а организатором мероприятия выступит фонд моей жены. Все собранные деньги должны пойти на помощь детским домам. Пока ехал с бешеной скоростью в офис к Марианне, поступил звонок от Влада. Не стал отвечать, зная, что тот потребует личной встречи. Слишком важным был для нас этот контракт. Кроме того, Влад, наверняка, захочет узнать моё мнение о сложившейся ситуации. Но именно сейчас я не мог ему помочь удовлетворить любопытство. Мои мысли были слишком далеки от интересующей его области. Доехал до офиса и выскочил из машины, оставив её на парковке. Прошёл мимо охраны, кивнув головой бравым ребятам за стойкой.

Вот она. Дверь в её кабинет. По телу прошла дрожь предвкушения. Марианна не знала, что я прилечу сегодня. Она ждала меня завтра ночью. Маленький сюрприз, который я хотел устроить для нас двоих. Открыл дверь и вошёл внутрь, отыскав взглядом жену. Она стояла спиной ко мне и разговаривала по телефону. Услышав шум, обернулась, и её глаза расширились, а на губах расцвела радостная улыбка. Я остановился и резко втянул в себя воздух. Стройные бёдра обтянуты узкой чёрной юбкой, полная грудь хаотично вздымается под полупрозрачной блузкой, роскошные волосы каштановым водопадом ниспадают на спину. Наверное, я никогда не привыкну к её невероятной красоте. Настолько идеальной, что иногда даже глазам больно.

Марианна быстро попрощалась и отключила телефон.

– Ник, – сделала пару шагов вперёд и в нерешительности остановилась, – ты вернулся? Ты вернулся, Ник! – она кинулась в мои раскрытые объятия, а затем отстранилась. – Ты же сказал, что приедешь только завтра.

Я усмехнулся и притянул её обратно к себе, вдыхая запах волос.

– Сказал, Марианна. Если хочешь, – провёл рукой по щеке, – я могу уехать и приехать в назначенное время. Хочешь?

Она недовольно поморщилась и бросила на меня сердитый взгляд:

– Я изголодалась по тебе, а ты бессовестно меня дразнишь. Мысли о тебе сводили меня с ума всю неделю.

– Нет, малыш, я не дразню, – я склонился над её лицом так низко, что между нашими губами осталось расстояние в миллиметр, – я всего лишь проверяю, насколько сильно ты хотела меня всю эту неделю.

Она судорожно вздохнула и еле слышно выдохнула:

– Безумно.

Провёл языком по её губам и шёпотом произнёс:

– Слова ничего не значат, Марианна. Они пусты. Покажи мне, насколько ты «изголодалась» по мне. Заставь поверить, малыш.

Она сделала медленный вдох и начала осторожно расстегивать мою рубашку, касаясь кончиками пальцев обнаженной груди, посылая по всему телу искры удовольствия. Низ живота опалило жаром, а ведь это пока ещё вполне невинные прикосновения. От нетерпения и желания большего свело скулы.

– Я покажу… сегодня я тебя сведу с ума, – она облизала губы кончиком языка и взялась за кожаный ремень, не отрывая взгляда от моего лица.

Дерзкая девчонка! Надеется обыграть меня в моей же игре. Нет, милая, сегодня мы играем по моим правилам. Впрочем, как и всегда. Я перехватил её запястье и резко привлёк к себе. Посмотрел в затуманенные сиреневые глаза:

– Нет, малыш, так не пойдёт. Это слишком просто для тебя. Я желаю, чтобы ты озвучивала каждое своё действие.

Чуть с ума не сошёл, услышав, как быстро забилось её сердце. Хочет меня и нервничает, потому что не знает, чего в этот раз захочу я. Охрипшим голосом приказал:

– Я хочу, чтобы ты сначала произносила, что хочешь сделать со мной, а потом делала.

И, чтобы поощрить и раздразнить, я с силой её поцеловал, прикусив верхнюю губу. Твою мать! Наверное, я никогда не привыкну к опьяняющему вкусу крови моей женщины. Она застонала, притянув меня к себе за ремень. Зализав ранку, оттолкнул её от себя:

– Я жду!

Марианна вдёрнула подбородок и тихо, невыносимо томно, прошептала:

– Я стану перед тобой на колени и буду ласкать тебя, пока ты не прикажешь остановиться.

Проклятье! Кровь забурлила в венах и помчалась вниз. Яйца сжались. А член в брюках моментально затвердел. Хрипло прошептал:

– Как? Как ты будешь ласкать меня, Марианна?

Она опустилась передо мной на колени и посмотрела мне в глаза. Такая нежная, прекрасная, с лицом невинного ангела. Но то, что собирался сейчас делать этот чистый и непорочный ангел, было настолько греховно и возбуждающе, что у меня самого колени подгибались.

– Я возьму ЕГО в руки и осторожно оближу… вот так, – она неуверенно расстегнула ширинку, внутренне готовая, что я остановлю её. Она сомневается, не зная, что от меня ожидать. Зная, что я люблю контролировать ситуацию. А, точнее, что я не могу не делать этого. Но сегодня нас ждало кое-что другое. Она сжала горячими пальцами возбужденный член, и я выругался сквозь зубы. Вцепился в край стола, удерживая себя от бешеного желания схватить за волосы и грубо овладеть её ртом. Моя девочка… Движения медленные, осторожные…. Она с нежностью лизнула головку и сразу же взяла её в рот…Охренеть…Член непроизвольно дёрнулся, и я сжал шелковистые волосы в кулак….Всё верно, милая…Именно так…Она прикрыла глаза от блаженства…

Нет, моя хорошая, не смей! Оттянул её голову за волосы, и она меня поняла – открыла помутневшие глаза и продолжала ласкать ртом, уже неотрывно глядя на меня. Марианна ускорила темп, и я начал терять теряю контроль над собой. Детка, что же ты творишь со мной?

–Дьявол! – выдохнул я. Отстранившись, приподнял её за плечи и посмотрел в лицо. Она раскраснелась. В глазах неуправляемое желание. Дыхание частое, рваное.

– Дальше, Марианна? – Чёрт, голос охрип – Что ты сделаешь дальше?

Она жалобно всхлипнула, прикрыв глаза:

– Возьми меня, пожалуйста. Я изголодалась. Я хочу тебя… безумно. Ниииик, – посмотрела на меня и потянулась за поцелуем. Я остановил её на полпути, приложив палец к её губам, и Марианна очень медленно втянула его в рот…

– Малыш, – я схватил её за подбородок и приподнял бледное лицо. Пылающий взгляд сиреневых глаз запустил уже тысячный круг крови по венам. Тело била мелкая дрожь дикого желания, которая передавалась и ей. – Малыш, как ты хочешь, чтобы я тебя взял? Расскажи мне!

Она попятилась назад, к столу и призывно прогнулась, бросив на меня дерзкий взгляд.

– Быстро и жестко. Сейчас. Не могу и не хочу больше ждать.

Твою мать! Сердце застучало как бешенное. Даже если бы она сейчас стояла абсолютно голая, это бы не завело меня так, как эти слова. У меня моментально снесло крышу. Стоило немалых сил не поддаться провокации. Преодолев расстояние между нами, я дотронулся рукой до её возбуждённых сосков…Какие тугие…Жаждущие…Умоляющие ласкать их, взять в рот. Я судорожно сглотнул и, наклонив голову, втянул сосок через ткань блузки. Она прерывисто вздохнула, и я поднял голову:

–Ты, уверена, моя девочка? Уверена, что не хочешь, – я уделил внимание другому соску, лизнув его, – чтобы я сначала безумно долго ласкал твоё тело…

Она громко застонала от моих слов и попыталась притянуть мою голову к груди, теряя над собой контроль. Я отрицательно покачал головой и продолжил, подняв руку и одними кончиками пальцев касаясь её шеи:

– Уверена, что не хочешь, чтобы я сначала ласкал тебя там, внизу, языком? Не хочешь, чтобы взял тебя сначала пальцами и ртом? – Марианна всхлипнула в предвкушении.

И именно в этот момент открылась дверь кабинета, и вошёл какой-то холёный хлыщ с дюжиной папок в руках, парочку из которых он выронил от неожиданности. Он остановился в нерешительности на пороге, пытаясь отвести взгляд и что-то сказать.

– Убирайся, если хочешь жить, – прорычал на недоумка. Он попятился и проворно выскочил за дверь. Развернулся к любимой и увидел, что Марианна уже соскочила со стола и лихорадочно приводит себя в порядок.

– Боже, Ник, с тобой я забываю обо всём. Через пять минут у нас совещание…– она умоляюще схватила меня за руку. – Любимый, я не могу не присутствовать на нём. А после, – она сглотнула, видимо, увидев, как заходили у меня желваки, – после… мы продолжим.

Медленно втянул воздух, стараясь успокоиться и унять дикое возбуждение, как снова зазвонил сотовый. На этот раз звонивший вознамерился не сбрасывать до последнего. И поэтому, кинув на Марианну предупреждающий взгляд, вышел из кабинета, попутно отвечая Серафиму. Он сообщил, что Владу удалось договориться с нашими зарубежными партнёрами о подписании договора поставок на наших условиях. Вот только они назначили встречу в одном из ресторанов, и мы должны быть там уже через час. Разочарование затопило с головой. Никак не мог отделаться от мысли, что зайди тот парень позже на пятнадцать минут…Уверен, Марианне хватило бы и одного прикосновения, чтобы забиться в экстазе в моих руках. Да что там прикосновение, она вздрагивала от каждого моего слова так, будто я не слова произносил, а долбился в её тело… Каждая буква – толчок…Я еле сдерживался. Кто бы знал, чего мне стоило не разложить её на этом столе немедленно и отыметь. Да, именно отыметь: не ласкать, не любить, а грубо и грязно оттрахать…

Вот только мне помешали, и боль от неутолённого желания не отпускала на протяжении всего вечера. В паху невыносимо болело, десны жгло от дикого желания разрядки. Окружающая обстановка ни капли не снизила потребность в сексе. Томная музыка, сексуальные официантки, правда, не в пошлых нарядах, а в одежде буквально на грани приличий. Осторожно заигрывающие, но не вызывавшие у меня никакого интереса. И это всё ради того, чтобы после

получасового ожидания долбаные французы позвонили и предупредили, что не могут приехать… У них какие-то проблемы, мать их, и они дико извиняются, но явиться не могут! Не знаю, благодаря чему Серафим остался в живых. Наверное, тому, что мне намного важнее было добраться до жены, чем прикончить его… а заодно и Влада с французскими партнёрами…

Когда уходил, взглядом дал Марианне знать, чтобы она дождалась меня. И я был более чем уверен, что она меня поняла. Однако охрана любезно сообщила, что госпожа Мокану уже уехала домой. Я гнал машину на бешеной скорости, в своих мыслях уже дважды заставил Марианну биться в оргазме и теперь яростно проникал в горячее податливое тело. Служанка открыла дверь и отшатнулась в страхе, увидев моё лицо. Я усмехнулся. Не спорю, в возбуждённом состоянии я страшен. Когда проходил мимо зеркала, метнул в него взгляд и понял, насколько прав – бледное лицо, горящие глаза, сетка едва проступающих багровых вен и крепко стиснутые зубы. Зрелище не для слабонервных. Марианны не оказалось ни в спальне, ни в детских, ни в кабинете. Я нахмурился, меня не было самое большее два часа. Куда она успела уехать? Увидел белый лист бумаги на столе. Это была записка, в которой Марианна сообщала о поездке в оперу! Значит, всё это время, пока я страдал от неутолённого желания, моя жена спокойно наслаждалась оперными ариями в компании подруг. В порыве злости схватился за телефон, готовый наорать на неё и потребовать немедленно приехать. Но затем решил, что намного лучше будет самому поехать к ней. Остановившись возле зеркала ухмыльнулся:

– Ник, старина, ты так давно в опере не был. Пора тебе уже приобщиться к культурным развлечениям…

Я как оголтелый мчался на машине к зданию оперы, когда пришло сообщение от Марианны, что она уже у Вольских в их Лондонских апартаментах, снятых на сезон гастролей по Англии.

–Проклятье! –ударил по рулю и резко нажал на тормоз. Я–то уже предвкушал, как буду брать Марианну под арию очередного героя–любовника. Первый и последний раз, когда я был в опере, всё моё внимание было отдано молоденькой вампирше, которая жадно ласкала меня ртом во время всего действия…Даже не

помню ни имени её, ни лица. Помню только, как зашкаливал адреналин в крови от осознания, что мы делали это практически на публике. С тех пор прошло около ста пятидесяти лет…И настало время обновить мои воспоминания.

Я завёл машину и резко дёрнулся с места. Подъехав к зданию, подошёл к кассе и взял два билета в ВИП–ложу на ближайшую постановку. Когда кассир произнесла название, я рассмеялся. Моцарт "Дон Жуан". Как символично, вашу мать!

Войдя в дом Мстислава, поморщился: слишком много людей. И половина из них, видимо, из труппы Дианы. Заметил мельком, как Мстислав с яростью смотрит на Диану, разговаривающую с Мистером УНИСЕКС. Было бы время, объяснил бы другу, что с таким же успехом он может ревновать Диану к женщине. Но времени у меня не было. От осознания, что я сейчас увижу свою девочку, кровь забурлила и сердце забилось с бешеной силой. Отчаянно пытался разглядеть её среди разряженной толпы, но тщетно.

Поймал на себе жадные взгляды присутствовавших самок…Именно самок, потому что улыбки, которыми они одаривали меня, иначе как похотью в неприкрытом виде не назовёшь. Когда–то это заводило меня. Это обещание в их глазах. Чувство власти над толпами женщин. Теперь кажется, что с тех пор прошли тысячелетия. Больше ни одна из них не заводила меня так, как та, которую я сейчас искал. Я предвкушал. Чувствовал себя охотником в погоне за самой ценной и самой неуловимой добычей. Я нашёл ее в зимнем саду. Среди сотен ароматов пышно цветущих кустов и деревьев знакомый запах опьянял больше всех, обещая море удовольствия. Она сидела на скамейке, разглядывая экран своего телефона. Ждёт сообщения от меня. Я непроизвольно сглотнул, увидев её наряд: белое слегка просвечивающее платье, которое открывало стройные точеные ноги. Представив, как она этими самыми ногами обхватывает мои бёдра, почувствовал напряжение в штанах и резко втянул в себя воздух. Марианна повернула голову в мою сторону, и её глаза распахнулись шире. Первой реакцией при виде меня была радость, но затем моё возбуждение передалось ей, и я увидел, как расширились её зрачки. Взгляд потемнел и это охренеть как завело меня. Я не мог больше ждать. Шагнул к ней и, взяв за руку, повел за собой. Как мы добрались до машины и выехали на дорогу, я плохо помнил и понимал. Как и не вспомнил совершенно о её пальто, оставленном у Изгоя. В голове билась одна–единственная мысль: Взять. Сейчас. Немедленно.

Жестко. Заметил краем глаза, как Марианна положила ногу на ногу, и, едва не застонал вслух, увидев край кружевных чулок. Не поворачивая головы от дороги, я начал гладить её ногу пальцами…Очень бережно и нежно, хотя мне безумно, до лихорадки хотелось сжимать её ноги, оставить на нежной плоти следы от своих пальцев…Её реакция не заставила себя ждать. Она прикрыла глаза и закусила губу. Чёрт, девочка, только с ней мне приходится так напрягаться, чтобы удержать себя в руках. Я продолжал гладить её ноги и, когда она откинувшись на сидение, расслабилась, раздвинул их резким движение руки. Улыбнулся, услышав судорожный всхлип.

– Куда мы едем? – спросила она.

– Я искал тебя в опере, ты уехала. Я купил два билета VIP. Мы возвращаемся обратно. Я буду трахать тебя под классическую музыку, Марианна.

Она вцепилась в мою руку, которую я, продолжая поглаживать, поднимал всё выше.

– Я была на балете, а не на опере. – Она застонала. – Диана выступала.

А по мне хоть на выставке охотничьих собак, малыш. Она говорила что–то ещё, но я уже не слушал. Моя рука пробиралась всё выше, когда…Я выругался вслух. Она не надела трусики. Она была абсолютно голой под эти платьем. Горячей и влажной. Из груди вырвалось глухое рычание. Я отчётливо сознавал только одно: она провела столько времени в окружении мужиков, не надев нижнего белья. Ревность. Злость. Возбуждение. Дикое и необузданное. Такой коктейль эмоций захлестнул меня. Не знаю, что было бы дальше, если бы мы не подъехали к зданию. Я буквально тащил её за собой, так как идти она сама уже не могла…Чувствовал, что она возбуждена до предела. Ноги не держали её. И если бы я отпустил тонкую руку, она рухнула бы на мраморный пол. Да вот только ничто на свете не заставило бы меня отпустить её сейчас. Она была моей добычей в тот момент. Моей самой большой наградой. Марианна – тот самый джек–пот, который достался бездушному монстру.

Мы дошли до нашей ложи, и я посадил её в кресло. Она осмотрелась по сторонам, потихоньку приходя в себя. Нежно дотронулся до её шеи и резко

повернул к себе, удерживая за затылок.

– Почему ты ушла из дома, зная в каком я был состоянии?

– Ник…Я не дал договорить, закрыв ей рот ладонью.

–Я хочу знать, какого чёрта, моя жена ушла из дома в платье на голое тело? Чего ты добивалась?

Она нежно улыбнулась и накрыла мою руку своей, а потом взяла мой палец в рот и жадно облизала, глядя в глаза. Меня бросило в жар. Схватил её за подбородок, требуя ответа.

– Я хотела свести тебя с ума, Ник. Ты же бросил меня голодную. Накажи, –снова обхватила палец губами, удерживая за запястье, – накажи…за то, что не дождалась, – она протянула руку и, схватив за ворот рубашки, рванула к себе, – накажи меня сейчас, черт тебя раздери, я с ума схожу уже несколько часов. Давай, возьми меня, Ник. Чего ты ждешь?

Чёёёёрт…Вот этого я точно не ожидал…Я же знаю свою маленькую скромную девочку…Она не из тех шлюх, которые любят заниматься сексом на публике…Она до сих пор смущается от некоторых моих приёмов в постели. Я думал, она попросит не соблазнять её на публике…Начнёт отбиваться от моих ласк. Но нет. Марианна всё–таки удивила меня. На секунду закрыл глаза, чтобы прийти в себя…Вдох–выдох…Вдох–выдох. Моё внимание привлекло жемчужное украшение на тонкой шее. Отпустил её подбородок и, удерживая взгляд Марианны, обхватил за шею рукой. Я поигрывал жемчужинами ожерелья, наблюдая, как она сглотнула слюну. Другую руку я положил на грудь и слегка сжал её.

– Нииик, пожа..– Я заткнул её рот поцелуем…Диким, неистовым поцелуем… И она отвечала мне столь же яростно. Твою ж…Она прикусила мне губу. До крови…И это возбудило меня ещё больше. Хотя я и думал, что дальше некуда…Мозг взорвался…Я резко поднялся и сел в кресло. Схватив Марианну за талию, посадил к себе на колени. Минорную музыку увертюры сменила

достаточно живая, побуждая к более активным действиям. Марианна извивалась на мне, тёрлась об меня, пока я снимал с неё ожерелье…

– Проклятье, милая, подожди! – Ноль реакции. Она не владела сейчас собой, словно находилась в прострации.

– Не двигайся, малыш!

Она затихла, продолжая дрожать всем телом от предвкушения…

– Марианна, девочка, приоткрой рот, – даже не верится, что этот хрип и есть мой голос. Она посмотрела на меня и попыталась сконцентрировать на мне свой взгляд. Я чувствую по запаху, как она течёт для меня.

Именно сейчас отсутствие трусиков на ней мне было на руку…

–Ты сейчас откроешь рот, хорошая моя, и закроешь глаза. – прошептал ей. Она быстро кивнула и прикрыла глаза. Я положил ей в рот первую жемчужину ожерелья и её щёки вспыхнули…Да…Она отлично поняла, что я собираюсь делать. Она втягивала их в рот…Одну за другой. А я не мог отвести взгляда от её пухлых губ. Захватил пальцем последнюю жемчужину и медленно вытянул из её рта. Затем встал с кресла, удерживая одной рукой Марианну, и посадил её на своё место. Кресло было широкое, и она откинулась назад. Мне было наплевать, что вокруг люди…Тем более, что здесь царил полумрак… Я уже почти не слышал музыку. Сейчас никто и ничто не могли меня отвлечь от неё. Даже если бы вокруг всё горело, не заметил бы этого. Впрочем, как и она. Я встал на колени перед ней, и Марианна приподнялась, чтобы увидеть, что я сделаю. Когда я провёл ожерельем по её лепесткам, она снова откинулась назад и застонала, распахнув ноги еще шире. Её запах. Сводит с ума. Каждый раз, как первый. Потянул медленно ожерелье…Вверх и вниз…Вверх и вниз…Она задрожала…

–Тебе нравится, девочка? Нравится?

–Дааaa,..– её трясёт словно в лихорадке. И эта дрожь передаётся мне.

Я наклонил голову и языком проследовал за жемчугом. Каждая жемчужина цепляла возбужденный бугорок между влажными лепестками, а вместе с движениями моего языка он твердел все сильнее и сильнее. Вверх и вниз…вместе с моим хриплым дыханием. Да, девочка, кончи для меня сейчас. Я хочу чувствовать, как ты кончаешь. Марианна схватила меня за волосы и ногами резко сжала мою голову. Её тело выгнулось дугой, стон был похож на рыдание. По моей спине градом катились капли холодного пота, я сам был на грани. Представил себе, как сладко сжимаются ее мышцы от судорог оргазма и у меня живот скрутило от нетерпения оказаться в ней. Войти до упора, в подрагивающее тело и излиться в нее немедленно. Она кончала…О, как она кончала…Жадно…Сильно…Я чувствовал спазмы её лона своими пальцами. Стиснул зубы до боли, а она билась в агонии наслаждения. Моя ладонь, прикрывающая ее рот увлажнилась…Плачет…Моя девочка плачет…

Я приподнялся и посмотрел ей в лицо…Сейчас она выглядела так, как я люблю больше всего: растрепанная и опустошённая мощным оргазмом, на лице блуждает слабая улыбка, а глаза…Глаза прикрыты, как будто не осталось сил даже на то, чтобы приподнять тяжелые веки. Все также, не открывая глаз, она подняла руку и обвела мои губы…Сатанея от желания, я зашипел и оскалился…Марианна надавила на клык пальцем, и я почувствовал во рту вкус её крови…И уже не смог сдержать себя…Меня била крупная дрожь от потребности. Взять. Тут же, немедленно. Я опустил руку на её грудь и сильно сжал напряжённый сосок. Марианна глухо застонала и выгнулась навстречу моей грубой ласке. Я потерял контроль. Лихорадочно расстегнул ширинку, зверея от бешеной жажды овладеть ею, и вошёл в неё одним резким толчком. Вошёл до упора, по самые яйца. Она вскрикнула и подняла навстречу бёдра. Мне окончательно снесло крышу. И я начал долбиться в неё. Сильно и жёстко. Как заказывали…Получите, распишитесь.

Она отвечала мне с такой же неистовостью…В этот момент мы не занимались любовью. Мы были как дикие животные, изголодавшиеся друг по другу…Смотрел в её напряжённое лицо, упиваясь каждой эмоцией, каждым вздохом и стоном. Серенада Дона Жуана была саундтреком к нашему собственному эротическому фильму…Я уже понимал, что надолго меня сейчас не хватит, когда почувствовал, как по её телу прошла первая судорога наслаждения. Хрипло зарычал, уткнувшись лицом ей в шею…Она откинула голову назад, в изнеможении закрыв глаза…Нет, только не так. Я должен видеть

её взгляд, когда она будет кончать.

– Марианна, не смей! Смотри на меня!

Она распахнула глаза… взгляд голодный, ошарашенный, горящий и требующий немедленной разрядки…

–Нииик, даааа!

Её оргазм схлестнулся с моим…Почувствовал, как мышцы лона судорожно сжимают мой член, и кончил. Оргазм накрыл с головой. Сокрушительный, разрывающий легкие и каждый нерв на моем теле на мелкие атомы невыносимого удовольствия на грани с агонией.

Домой с Марианной мы ехали куда спокойнее, чем в оперу. При выходе из здания я проверил телефон и заметил сообщение от Серафима, в котором он просил о срочной встрече. Умный парень. Побоялся помешать своим звонком. Я хищно усмехнулся: оказывается, жажда жизни – это чертовски сильный мотиватор для смены поведения даже бессмертными. Но, несмотря на срочность предстоящей встречи, я не торопился. Марианна удивленно переводила взгляд со спидометра на моё лицо. Уж она–то точно знает, что я признаю только быструю езду. Но что–то меня сдерживало сегодня. Хотелось побыть рядом с моей девочкой. Она выглядела такой довольной. Усталой, но невероятно счастливой. Смотрел на неё и чувствовал, как сам растворяюсь в её эмоциях. Но в тоже время какая–то мысль мне не давала покоя…Она стучала в висках и не давала сосредоточиться на весёлом щебетании Марианны. Что–то было не так, а я не мог понять, что же именно? Но уже подъезжая к поместью, вдруг весь похолодел от осенившей догадки. Оно снова вернулось. Ощущение беды. Тянущей безысходности. Появилась твердая уверенность, что предстоящий разговор с главой ищеек станет отправной точкой для начала неприятностей.

Глава 2

Когда Ник уехал,я с трудом сдержала вздох разочарования, как всегда мужские проблемы Братства. Серафим вечно не вовремя. Не люблю этого наглого типа.

Хорошо помню, насколько быстро его отношение ко мне изменилось, как только мы с Ником расстались. Зорич относится ко мне, как и к любой девке, которая волочится за Мокану. С одним отличием, что я все же требую к себе уважения, а

точнее Ник надерет ему задницу, если он не будет оказывать должного почтения,

но если этот верный пес услышит "фас", то разорвет меня на части, не

задумываясь. Я обхватила себя руками, все тело зудело от неудовлетворенного

желания и последнего взгляда мужа, который он бросил на меня, перед уходом:

«я вернусь, малыш, мы продолжим и не смей заканчивать без меня, я запрещаю».

Невыносимо тянуло получить разрядку именно так, как он меня научил. Ник

раскрыл мою чувственность до конца, сметая любое смущение и преграды.

Никаких запретов. Теперь я и сама ловко пользовалась всеми теми уловками,

которые могли свести его с ума. Но с ума сходила, и я сама. Последнее время все

больше, потому что томилась от постоянных разлук, от этих женщин, которые

окружали его, везде и повсюду. Флирт, голодные взгляды самок, мечтающих

урвать ласку, готовые ползать у его ног в низменном желании исполнить любую

прихоть. Как долго Ник будет оставаться полностью моим? Как долго я смогу быть

уверенной, что я единственная? Я училась не ревновать, справляться с

эмоциями, но иногда это было просто невозможно и мною овладевало отчаяние.

Я верила ему, но в то же время всегда боялась потерять…потерять себя в его

сердце. Каждый раз, когда Ник отдалялся я сходила с ума от дикой ревности и не

смела ее показать никому. Даже ему. Я – княгиня и не унижу себя подозрениями,

расспросами и недоверием, но я женщина…безумно влюбленная в самого

непредсказуемого и жестокого мужчину из всех, кого когда–либо встречала. От

меня ожидают соответствия статусу, ведь я ЕГО жена. Я та, кто удостоился любви самого Николаса, та, кто носит его фамилию, и я не имею права на унизительную

ревность.

Я зашла в душ и открутила кран, закрыла глаза. Все будет хорошо. После всего

что мы прошли вместе меня не сломают такие мелочи. Это не про нас. Это

слишком ничтожно, по сравнению с тем, что нам удалось преодолеть.

Выступление Дианы немного отвлечет от всех этих мыслей, я давно не выезжала

в свет, давно не чувствовала немного свободы.

Проверила, что сотовый работает, посмотрела на свое отражение в зеркале –

великолепный вечерний наряд, белое платье от "Коко Шанель", короткое спереди

и со шлейфом сзади, полностью открывающее плечи с вкраплением серебряных нитей и нитка жемчуга на шее. Я распустила волосы и расчесала до блеска. Нет времени на парикмахеров. Как говорит мой муж: "твои волосы сами по себе великолепное украшение, ты не нуждаешься в вычурных прическах". Да, он любит мои локоны, относится к ним с каким–то поклонением, а мне нравится, когда он к ним прикасается, наматывает на пальцы или больно дергает за них, усиливая мое наслаждение его властью, в то время как бешено овладевает мной сзади…О Боже… как я истосковалась по нему.

Я бросила взгляд на часы и прихватив сумочку вышла из комнаты.

После сбора средств для фонда мы поехали домой к Изгою. Весь вечер я ждала Ника, смотрела на часы, несколько раз набрала его номер, но позвонить не решилась. Не хотела мешать. Если он обещал вернуться побыстрее, то обязательно вернется. В конце концов толпа утомила меня, и я вышла на улицу подышать осенней прохладой. Я сидела в беседке, прислонившись спиной к холодному мрамору и думала о том, что все эти три года я была безмерно счастлива. Каждый день, каждую минуту с ним, с нашими детьми, с недолгими

встречами наедине, но мое счастье граничило с дикой эйфорией. Я впитывала и наслаждалась каждой секундой потому что жизнь научила меня ценить мгновения.

***

Я почувствовала его еще до того, как он появился. Возможно ожидание обострило всю мою интуицию до предела. Вскочила со скамейки, уронив бокал. Ник зашел в беседку и прислонился к косяку проема плечом, сложив руки на груди. Он напряжен, очень зол, взбудоражен и невероятно возбужден. Адский коктейль. Потом вдруг шагнул ко мне и взял за руку.

– Поехали, – хрипло произнес, сжимая мою ладонь, и мы молниеносно оказались у его машины. Я чувствовала, его скрытую ярость, но у меня не осталось сил на вопросы. Я понимала, что и он сейчас не может говорить. Мы на взводе. На пределе оба. Недели разлуки и с нами творится что–то невероятное. Мне казалось, что я лечу в пропасть на бешеной скорости, у меня дух захватывало, Ник оставался самым загадочным и невероятным мужчиной в моей жизни, безумно желанным, невыносимым. Он галантно распахнул передо мной дверцу машины и захлопнул ее, когда я устроилась на переднем сидении. Сел рядом и

мы вихрем сорвались с места.

Он всегда водил машину как дьявол. Я судорожно сглотнула и посмотрела на его

профиль. Все черты лица заострились. Его лихорадка передавалась мне и

казалось, что я уже не дышу, каждый мой вздох – это стон нетерпения и дикого

голода по нему.

Резкий взгляд темно–синих глаз на мои ноги, зрачки расширились и почти слились

с радужкой, когда он увидел кружевную резинку чулок. Протянул руку и провел по

моему колену. От прикосновения его пальцев меня пронзило током. Боже, какой

он невероятно сексуальный за рулем. Эта щетина, неизменная сигара, чуть

прищурившись смотрит на дорогу. А пальцы медленно гладят мою ногу,

поднимаясь все выше. Я в изнеможении закрыла глаза, закусив губу, когда эти

пальцы коснулись голой кожи над резинкой чулок, непроизвольно сжала колени.

Потому что если прикоснется я кончу, вот на этой бешеной скорости, когда он

смотрит на дорогу и дерзко, бесстыдно сводит меня с ума, но не ласкает, только

готовит и дразнит. Доводит до сумасшествия. Мои ладони впились в сидение, когда он властно раздвинул мне ноги. Я всхлипнула и посмотрела на мужа из–под

полуопущенных ресниц, чувствуя, как плывет мой взгляд и как я источаю влагу.

Когда–нибудь я перестану так дико его хотеть?

– Куда мы едем? – спросила я и голос сорвался на стон, потому что он сильно сжал

мою ногу, не позволяя свести их вместе.

– Я искал тебя в опере, ты уехала. Я купил два билета вип. Мы возвращаемся

обратно. Я буду трахать тебя под классическую музыку, Марианна.

Повернулся ко мне, и я вздрогнула от яростного голода в его взгляде. Боже…он

разорвет меня. Я еще никогда не видела его настолько голодным. Даже грубые

слова завели настолько сильно, что по всему телу пошли мурашки от

предвкушения.

В опере мне уже стало наплевать где мы, сколько людей вокруг. У меня отказали

все тормоза. Он рядом со мной. Здесь. От него восхитительно пахнет табаком,

дорогим парфюмом и им самим. Я задыхаюсь от его близости. Весь контроль у

него, я больше ничего не контролирую.

Я соскучилась, истосковалась до боли в груди, извиваясь у него на коленях под

грохот музыки, аплодисменты зрителей, а потом замерла чувствуя, как сердце

бьется в горле, на секунду вспыхнуло дикое желание извиваться на нем до последнего, до оргазма, спазмы которого уже накатывали издалека, мягкими волнами неконтролируемого экстаза, но я сдержалась. Ник ведет. Всегда. Его пальцы вцепились в мое жемчужное ожерелье, и он медленно снял его с моей

шеи.

–Ты сейчас откроешь рот, хорошая моя, и закроешь глаза, да? – прошептал и от

этого шепота по телу прошел электрический ток. Музыка грохотала неистовыми

аккордами то стихала. Я томно закрыла глаза и приоткрыла рот, почувствовала языком жемчужину ожерелья, щеки вспыхнули. Я не знала, что именно Ник

собирается делать, но понимала, что как всегда это приведет к взрыву,

невероятному, утонченному, порочному удовольствию, его фантазии не знали

границ…или опыт…О Господи, от предвкушения свело скулы. Я покорно облизала

жемчужины и вся напряглась, чувствуя, как до боли затвердели мои соски и какой

влажной я стала внизу, где все пульсировало от нетерпения и дикого

возбуждения.

Жемчужины медленно выскользнули из моего рта и Ник, подхватив меня за талию,

пересадил в кресло. Я цеплялась за воротник его рубашки, пытаясь притянуть к

себе, но этот дьявол избегал поцелуя, доводя меня до отчаянного исступления,

дыхание со свистом вырывалось из легких, обжигая горло. Я погрузилась в лавину

безумия. Он сводил меня с ума, он полностью порабощал мою волю. Откинулась

на спинку кресла и увидела, как Ник опустился на колени, играя пальцами с

жемчугом и глядя мне в глаза, затуманенным первобытной страстью, взглядом.

Он обещал мне пытку наслаждением. Когда прохладные, влажные бусинки

заскользили по моей плоти, цепляя клитор, я запрокинула голову назад и из

горла вырвался хриплый стон, непроизвольно распахнула ноги шире, ломая ногти

о поручни кресла. Когда вместе с прохладой жемчуга, безумно медленно

скользящего по моему лону, почувствовала влажное, тянущее прикосновение его

умелого, дерзкого языка к невыносимо возбужденной плоти, я жалобно застонала,

но аккорды музыки заглушили мой стон. Ник резко дернул ожерелье вверх,

продолжая быстро и жестко ласкать меня языком, и я с громким криком сорвалась

в оргазм. Сокрушительный, разрывающий легкие и каждый нерв на моем теле на

мелкие атомы невыносимого удовольствия на грани с агонией. Я непроизвольно

вцепилась в его волосы и выгнулась дугой, наверное, я кричала, потому что Ник

накрыл мой рот ладонью, и я впилась в нее зубами, содрогаясь и захлебываясь

криками. Почувствовала, как он ввел в меня горячие пальцы и дернулась всем

телом вперед. Ник грязно выругался, но я все еще не могла разобрать слов, я

ослабела и плавилась как воск, а по щекам текли слезы. Я с трудом приоткрыла глаза, все еще подрагивая от невероятного наслаждения,

встретилась с Ником взглядом и дух захватило от этой нереальной красоты, когда

хищник уже не контролирует себя, когда все планки сорваны. Бледный,

заостренные черты лица, подрагивающие, влажные от моих соков, губы. Я

коснулась их, и он захватил мой палец ртом, сверкнули заострившиеся клыки и я

надавила на один из них, вспарывая кожу, будоража и провоцируя зверя,

разорвать добычу. Подводя его к тонкой грани, где он будет сдерживаться и в то

же время безумствовать в свирепом желании рвать меня на части, а мне хотелось

его одержимости, испепеляющего желания забрать все что я могу ему дать,

забрать даже больше, жадно отнять меня саму. С ним, как на острие опасной

бритвы, каждое его прикосновение режет вены, вспарывает терпение, искушает,

совращает и резким контрастом он вдруг нежно ласкает, безумно нежно, настолько

трепетно, что внутри порхают бабочки, а потом снова сбрасывает в горячее

сумасшествие, превращаясь из чуткого опытного любовника в похотливое,

развратное животное. Нет предела его изощренной фантазии, каждая игра

утонченней предыдущей, каждая ласка острая и невыносимая. Я дразнила этого

зверя и никогда не знала в какой момент лопнет тонкая струна и он сорвется с цепи, чтобы сожрать меня.

Сейчас я наслаждалась его голодом, зверь оскалился и жаждал драть меня на части. Хочу его бешеную жажду и этот взгляд: «ты напросилась, я порву тебя, малыш". Да, рви, не щади.

Ник лихорадочно дернул змейку на ширинке и резким толчком вошел в меня до упора, глухо застонал и от разрывающей наполненности я вскрикнула, но пощады не будет. Все. Я в его власти и он возьмет все что захочет взять, без сантиментов и нежности, неистово и жестко. С каждым толчком я чувствовала приближающийся ураган который сметет остатки разума. Ник яростно целовал мои губы, прокусывая нежную кожу, переплетая свой язык с моим, вторя хаотичным движениям его члена внутри меня, разжигая пожар, клокотание голодной страсти. Закинул мои ноги на плечи, и я выгнулась навстречу, закрывая в изнеможении глаза, чувствуя, как он сжимает мою грудь, касается твердых, до боли напряженных сосков, как целует мои икры, проводит по ним языком продолжая вдалбливаться в меня с диким остервенением, такой горячий огромный внутри, неистовый, разрывающий, дарящий боль и наслаждение.

Порабощающая властность, требующая беспрекословного подчинения его желанию. Деспот, тиран, жестокий манипулятор, знающий, как заставить меня орать от неудовлетворенного желания и молить о пощаде, которой не будет. Я вскрикивала от каждого толчка, захлебываясь стонами, слезами наслаждения, в изнеможении закрывая глаза.

Оргазм был неожиданным, лишающим разума, он вспорол мое сознание и я изогнулась в сладкой судороге, запрокинув голову, чувствуя, как Ник сильно сжимает мои волосы на затылке не останавливаясь не на секунду, а потом этот хриплый рык, его напряжение, мышцы, каменеющие под моими пальцами и я заставляю себя открыть глаза потому что хочу видеть его безумие, вот это нереально прекрасное, оголенное, неприкрытое наслаждение. Запрокинутая голова, задыхающийся рот и мучительная маска болезненной агонии дикого удовольствия. Быстро сокращаюсь вокруг его плоти, слегка тянет низ живота от невероятной вспышки экстаза. В этот момент весь контроль у меня, и я сжимаю Ника руками и ногами, чувствуя, как вздрагивает внутри меня его член, исторгая семя, слыша его прерывистое дыхание и короткие хриплые стоны. Уткнулся лицом мне в шею, а я задохнулась от безумной любви к нему, от мучительного

счастья с привкусом горечи и диким страхом потерять.

Постепенно голоса и звуки музыки начали прорезаться сквозь туман обоюдного сумасшествия. Мои щеки залила краска стыда и я тихо прошептала:

– Мы сумасшедшие, – хотела освободиться, но Ник сжал сильнее и приподняв голову посмотрел мне в глаза, усмехнулся краешком рта, а я утонула, растворилась в кристально светлой синеве, видя свое отражение, чувствуя опустошенность во всем теле.

– Со мной можно все, малыш. Ты помнишь? А все что нельзя – можно втройне. Я бы взял тебя сейчас даже если бы мы стояли посреди площади. Я голодал по тебе слишком долго. Это только начало.

С ним можно все, а без него…есть ли вообще жизнь, если он не рядом?

***

Но минуты полного единения, без жестокой реальности, быстро закончились. Мы приехали домой и Ник заперся в кабинете вместе с Серафимом. Я пошла к себе, прикрыла дверь, сбросив с себя одежду стала под душ. Я была счастлива, какой–то нереальной запредельной эйфорией. Он со мной на несколько недель. Вместе. У нас так редко получалось отключится от всего и побыть вдвоем, только

бы эти их постоянные беседы с Серафимом не помешали. Я не вмешиваюсь обычно в их дела и не имею ни малейшего представления, что они там обсуждают, но всегда был страх, что может произойти что–то способное разлучить меня с ним надолго. Мне надоел Лондон я жаждала вернуться домой. Здесь все чужое для меня, а Ник…он говорил, что слишком много сил потрачено на то, чтобы держать в узде Европейские кланы и его присутствие необходимо, а мне нужно быть рядом с ним.

Я переоделась в легкое платье, заплела мокрые волосы в косу и спустилась вниз.

Тут же появился слуга с подносом и поставил на столик графин с лимонадом. Я автоматически поблагодарила и включила телевизор. Новости – это как всегда очередной документальный фильм ужасов. Но репортаж из Лондона меня заинтересовал. Странные беспорядки на улицах, массовые поджоги, особняков видных политиков какими–то протестантами. В мире смертных свои войны и интриги за которыми мы пристально следим. Но это не моя забота, гораздо сильнее поразило то, что один из сгоревших домов это особняк Элины, моей знакомой, ее муж вел бизнес с Николасом. Они представители королевского клана. Я набрала номер подруги, но она мне не ответила. Впрочем, ей сейчас не

до меня. Я отправила сообщение о том, что очень сожалею, а потом резко подалась вперед. В новостях как раз показывали сгоревший особняк, санитары выносили трупы, накрытые белыми простынями и грузили мертвецов в черные минивэны. Это значило, что санитары, вовсе не медики – это Чистильщики, мертвецы не из мира смертных, а из нашего. Я посмотрела на свой сотовый и сильно сжала пальцы. Только что я отправила смс той, кто уже мертва. Я судорожно сглотнула и налила себе воды. Может вернуть детей обратно в пригород?

Странные поджоги и убийства…кто знает с чем это связано. Я поговорю с Ником. Пусть дети едут домой.

На душе появилось липкое предчувствие надвигающейся бури. Словно внутри меня образовалась воронка, которая неприятно тянула нервы.

Я бросила взгляд на часы – долго они там. Очень долго. Позвонила Диане, но она тоже не ответила. Я набрала Фэй и у нее сработал автответчик.

Я выключила телевизор и вышла в сад. Душно как. Гроза будет точно. Прошла к ограде, увитой плющом. В этот момент верх ограды полыхнул искрами. Они засверкали на зубцах и по всему периметру высокого забора. Я вздрогнула – пустили лазерные лучи. Странно. Такое обычно происходит при усиленной охране

дома. Зачем понадобилось включать сегодня?

– Госпожа, сейчас небезопасно подходить к ограждению.

Я резко повернулась – один из охранников. Никогда не помнила их лиц и имен.

Они вечно снуют, как тени. У них работа оставаться незамеченными. Верные призраки моего мужа. Он всегда смеялся, когда я их так называла.

– Почему пустили лучи?

Спросила я, обхватывая себя руками, подул ветер и меня пробрало до костей. Особенности моей странной сущности – наполовину оставаться человеком. Парень посмотрел мне в глаза и тут же отвел взгляд.

– Получили приказ от Господина пару минут назад.

Я кивнула и в этот момент полил дождь. Резко. Самый настоящий ливень.

Охранник снял с себя плащ, подал мне, и мы мгновенно спрятались под навесом

заднего двора. Я инстинктивно укуталась, а он промок до нитки.

– Ничего себе погодка. Неожиданно, – парень усмехнулся и тут же смутился, –

простите.

– Зайди в дом, ты промокнешь, – я толкнула дверь, но охранник отрицательно

качнул головой:

– Я и так мокрый. Простуда мне точно не грозит, – усмехнулся, и смахнул капли со

щеки, – да и не положено нам. Я должен быть снаружи до рассвета. Не имею

право покинуть пост.

На его поясе затрещала рация.

– Дэн…как слышишь. Прием! Что там на заднем дворе? Все работает?

– Да, все под током, – ответил в рацию и вернул ее обратно.

– Что–то происходит? Нам угрожает опасность?

– Теперь точно нет, Госпожа. Он снова посмотрел на меня и отвел взгляд. Да, у Ника вышколенныеподчиненные. Этот вампир очень молод. Возможно не так давно обращен.

Темноволосый, худощавый, но коренастый. Лицо очень юное и взгляд живой, еще

не тронутый вот этим вселенским опытом древних вампиров, таких, как мой муж

или отец. Я протянула ему плащ.

– Спасибо, Дэн. Выполняйте свою работу.

Вернулась в дом и услышала, как хлопнула парадная дверь. Видимо, наконец–то

уехал Серафим.

Ник так и не вышел из кабинета. Я поднялась к нему, приоткрыла дверь. Он сидел

за столом, сжав переносицу двумя пальцами и постукивал сигарой по

столешнице. Увидев меня, резко встал, преодолел расстояние в несколько шагов и

обнял до хруста в костях. Молча. Я чувствовала напряжение Ника и ничего не

понимала. Он зарылся лицом в мои волосы и шумно втянул мой запах. Наконец–то расслабился и пальцы, сжимающие мое тело до боли, слегка разжались.

Я всегда давала ему успокоение, именно в те минуты, когда он был напряжен, но сейчас…это было нечто иное. Нет, мой муж никого и ничего не боится. Я не видела в его глазах страх. Никогда.

Он скорее нагло смеется смерти в лицо. А сейчас…мне казалось, что это страх. Только этот упрямец ничего мне не расскажет. Он перестал вмешивать меня в дела Братства после последней войны с Асмодеем. Оградил от политики полностью. Я принимала любое его решение, я доверяла интуиции мужа и способности защитить семью. Я всецело посвятила себя детям, дому, своему бизнесу. Фонд захватил все мое свободное время. Я проводила там каждый день, иногда вместе сдетьми.

– Неприятности? – тихо спросила я. Слабо кивнул. Ведь его что–то гложет. Я чувствую это нутром. Зарылась пальцами в непослушные волосы, и он устало закрыл глаза.

Расспрашивать бесполезно и не нужно. Медленно гладила его по волосам, пропуская шелковистые пряди сквозь пальцы, чувствуя, как он успокаивается от моих

прикосновений. Провела ладонью по его щеке, а Ник перехватил мою руку и прижался к ней губами. Я обняла его за шею, и он посмотрел на меня. Взгляд смягчился…и дух захватило – это так невероятно, когда в глазах хищника плескается щемящая нежность ко мне, ради этого можно пройти все круги Ада. Ник поправил прядь моих волос мне за ухо, а потом провел по моей щеке костяшками пальцев.

– Я говорил тебе, что ты мой наркотик?

Я улыбнулась и кивнула. Конечно говорил и не раз.

– Мой личный антидепрессант.

Снова прижался ко мне и тяжело вздохнул. А я обхватила его голову руками и закрыла глаза, чувствуя, как он зарылся лицом в ямочку между шеей и мои плечом. Мне просто было хорошо от того что он рядом. Иногда эти моменты сближают сильнее, чем секс, когда вот этот сильный, властный Зверь обретает покой в моих объятиях, когда я могу видеть его настоящим, и он не боится показать свои слабости потому что доверяет мне.

– Ник, пусть дети вернуться сюда, в Лондоне неспокойно.

Прижал меня чуть крепче и прошептал мне в волосы:

– Я усилил там охрану. Они сейчас переехали в другой особняк, тамбезопасно. Им не нужно ехать сюда.

Значит…значит скоро здесь начнется нечто более масштабное, и я всецело

доверяла интуиции Ника. Если он так считает, то у него есть все основания.

Только знать бы что происходит.

– Малыш, почему у тебя мокрые волосы? – спросил тихо, задумчиво, зарываясь во влажные локоны пятерней.

– Выходила на улицу и как раз пошел дождь.

Он поцеловал меня в шею снова демонстративно втягивая шумно воздух,

показывая, как ему нравится мой запах.

– Если бы я мог, то спрятался бы с тобой на необитаемом острове эдак на месяц и гори все синим пламенем.

Это извинение за то, что не может проводить больше времени с нами.

Я пошла к двери, потом обернулась и тихо сказала.

– Когда я с тобой, у меня появляется свой маленький необитаемый остров, потому

что все остальные просто исчезают. Я скоро вернусь, ко мне должны приехать из фонда.

Глава 3

Всё–таки моя грёбаная интуиция в очередной раз не подвела меня. Однако, никакого удовлетворения по этому поводу я не испытывал. Скорее наоборот. Мысли в голове лихорадочно сменяли одна другу. Я встал с кресла и подошёл к окну, пытаясь найти тот единственный, верный, вариант дальнейшего развития собственных действий.

Я был у себя в кабинете, когда раздался звонок от Серафима. Он уже знал о том, что я прилетел, и собирался отчитаться по ситуации, что сейчас сложилась вокруг Влада в частности, и в Братстве в целом. Очень кстати, вашу мать! Последние десять минут я и сам буквально мечтал об этом. То, что доносили мне знакомые и ли партнёры по бизнесу пока ещё казалось маловероятным, но уже настораживало. Бунты. Поговаривали, что сам Влад решил подогреть обстановку в клане с их помощью. ВО что изначально верить не хотелось, учитывая то, что на носу были выборы. Я ещё не знал о том, что по предварительным данным Влад Воронов их благополучно проигрывал своему оппоненту Альберту Эйбелю.

Именно поэтому и ждал звонка главы ищеек, надеясь на то, что уж он–то точно обладает всей полнотой информации. Но то, что рассказал мне Зорич практически выбивало почву из –под ног. В голове не укладывалось, что Влад способен на подобный поступок. Это объясняло многое.

Почти три года демона не было слышно. Клан мало–помалу оправлялся от нанесённого этим подонком урона. Чёрные львы старались поскорее забыть тот ужас, что им пришлось пройти. Кому – то это удавалось, кому – то нет. И, конечно, глупо было бы предполагать, что Король Братства входит в первую группу. Такое не забывается. Влад чувствовал на себе ответственность за каждую жизнь, что унесла проклятая война. По–другому и не могло быть. Он правитель. Он каждый день корил себя за то, что Асмодей ушёл от наказания. Я это знал. Слышал в его голосе при телефонных разговорах, видел в глубине глаз при каждой встрече. Там затаилась боль. Та, которую он успешно прятал от поданных холодностью, а от дочерей и внуков радушными улыбками. Вот только я за сотни лет слишком хорошо изучил своего брата, чтобы поверить тому, что он смирится с произошедшим.

Он изменился. Очень сильно. Стал более жёстким. Жестоким. Теперь это уже был совершенно другой Влад Воронов. Мир как будто разделился для него на своих и чужих. И, чёрт тебя побери, оказаться в категории его врагов.

Но чего я точно не ожидал от брата, так это того, что он решит украсть дочь Асмодея. В другое время я бы восхитился этим поступком. Да, что там говорить, я бы сам, лично, выкрал это исчадие Ада и привёз к нему. Но не сейчас. Не тогда, когда клан только начал поднимать голову. Когда мы были ещё слишком слабы для того, чтобы дать достойный отпор. Раз и навсегда покончить с демоном. И не тогда, когда мне есть, что терять. Нечто намного большее, чем власть или уважение подданных. Те, за кого я эгоистично готов отдать ещё столько же жизней, делая вид, что забыл произошедшее с нашим кланом.

Серафим отчитался и замолчал, хладнокровно ожидая моей реакции на услышанное. А у меня появилось смутное подозрение того, есть что–то ещё, о чём он умолчал. Я нутром это чуял. Что–то не менее важное, чем похищение отродья демона и слежка за Марианной. Проклятье! Руки непроизвольно сжали подоконник. По донесению Зорича за Марианной вели наблюдение ищейки Северных львов. Долбаный Эйбель! Он тоже что–то затеял, и, я голову готов дать на отсечение, что немец связан с Асмодеем. Уж если и сохранилось у меня какое–то из человеческих чувств, то это интуиция. Вспышка злости охватила тело, глаза заволокло красной пеленой. Какого хрена, Влад?! Почему ты даже не посоветовался со мной. Хотя, когда это он считался с мнением своего блудного брата. Он же аристократ. Лев! А не презренная Гиена, каковой он до сих пор, видимо, считает меня.

Я лежал с закрытыми глазами на нашей кровати и думал, думал, думал. Голова уже отказывалась работать, посылая меня к такой–то матери.

Услышал тихие шаги жены. Марианна открыла дверь и зашла в комнату. Воздух сразу наполнил её аромат. Я шумно втянул его в себя…Мой любимый парфюм. Самый возбуждающий и самый дорогой для меня.

– Не притворяйся, что спишь, Николас! Или так притомился за последние пять сотен лет, что решил отдохнуть?

Марианна села на край постели и провела пальчиком по моим бровям, будто стараясь разгладить складку между ними. Всё так же с закрытыми глазами я наслаждался её такими простыми и невинными прикосновениями. Палец спустился по щеке вниз и начали обводить губы. Я высунул язык и облизал его, затем медленно втянул в рот и услышал, как она прерывисто вздохнула. Я открыл глаза и встретился с её взглядом. Что только в нём не отражалось: и зарождающееся возбуждение, и бездна нежности, и тонна беспокойства.

Всё–то ты чувствуешь, маленькая моя!!! Как же мне оградить тебя от всего этого…

– Они уже ушли, Ник.

– Я знаю, девочка моя!

Я притянул её к себе и обнял. Марианна устроилась у меня на плече, забравшись с ногами на кровать. А я наслаждался минутами спокойствия с ней, безотчётно гладил её волосы и плечи.

– Малыш, как ты смотришь на то, чтобы поехать в Прагу? Представь, как там сейчас красиво…

–Без тебя? –она нахмурилась, –Даже не думай!

Её тело сразу напряглось, и я физически почувствовал, как она готовится к тому, чтобы обрушить на меня все доводы против моего предложения. Моя дерзкая малышка! Вот что мне всегда нравилось в ней: она могла соглашаться со мной безоговорочно и уступать мне в чём угодно! Но, если вдруг наши мнения резко расходились, пиши пропало. Переубедить свою собственную жену я мог с великим трудом! Я закрыл ей рот ладонью и тихо рассмеялся, услышав возмущённый писк.

– Подожди, малыш. Послушай меня.

Я перевернулся, сжимая ее в объятиях, и оказался сверху на ней. Опустил руку и медленно поднял подол платья, лаская нежную кожу подушечками пальцев.

– Только ты, я и трое наших детей! Целых две недели! Без телефонов и интернета…Что скажешь?

Она смотрела на меня, не отрываясь, её дыхание стало учащаться… Марианна даже нахмурилась, сверкнув глазами…Я хрипло рассмеялся – злится, что не даю думать, отвлекаю. Я видел, какие мысли крутились у неё в голове. Я действительно видел. Первой была радость из–за того, что мы проведём время вместе; затем она начала подозревать, что всё неспроста. Я даже уловил

момент, когда она уже собралась завалить меня вопросами о причинах моего неожиданного решения, хотя сама и догадывалась в общих чертах. Но мои действия не давали ей сосредоточиться. Рука уже нашла край трусиков и наглаживала кружева. Марианна сдалась, видимо, решив, что моё предложение слишком ей нравится, и не стоит портить нам обоим настроение неприятными разговорами.

– Маленькая, я жду ответа. Нет, если, конечно, ты против…– она не дала мне договорить и поспешно кивнула, а я, нагло улыбнувшись, снова обнял её и, прижав к себе, перевернулся на бок, а потом разжал объятия и встал с постели.

– Ты подумай, а я ещё поработаю.

Стоило огромных усилий не рассмеяться, когда я услышал, как от ярости участилось ее дыхание…

Я знал, что Марианна разозлится. Знал, потому что чувствовал сладкий аромат её желания. Я предполагал, то она постарается меня соблазнить. Даже представлял себе, как бы она это делала. Думал, что будет возбуждать меня прикосновениями, поцелуями. В мыслях я уже насмехался над её попытками. В этой игре всегда побеждаю я. Всегда.

Но уж чего я точно не ожидал, так это того, что она проигнорирует меня! Сначала я почувствовал, как усилился запах её возбуждения. Твою мать! Я резко склонился над кроватью и повернул её обратно на спину, посмотрел в глаза, ожидая увидеть смущение, злорадство, лукавство, что угодно. Но, нет! Ничего подобного! Она ласкала себя так, как будто меня и рядом не было. Я проследил взглядом за её рукой и шумно вдохнул воздух, увидев, КАК она облизала свои пальчики и скользнула ими под шелк трусиков, слегка раздвинув стройные ноги. Эротично…Это было сногсшибательно наблюдать за ней. Представлять, что это я сейчас так нежно касаюсь её. Я кожей чувствовал, каким густым стал воздух вокруг нас. А Марианна продолжала себя трогать, сладко постанывая. Её ресницы дрожали, а рот приоткрылся и мне хотелось пить ее стоны. Я видел, как покраснела бледная кожа, а сама она тяжело и прерывисто дышала, глядя на меня из–под опущенных ресниц. Я снова посмотрел на ее пальчики под прозрачным кружевом и сглотнул, а она в нерешительности замерла, буквально в миллиметре от самого сладкого местечка, и я понял, что и на этот раз выиграю. Пусть даже эта игра не совсем в моём стиле.

– Продолжай! – голос сорвался, – Медленнее, нежнее!

И она не посмела ослушаться. Всё так же не открывая глаз, Марианна дотронулась до клитора и вздрогнула. Я простонал вместе с ней, когда она начала двигать пальцами мучительно медленно и прогибаться в такт этим движениям, запрокинув голову, а потом всё быстрее, и быстрее…Ее пальцы порхали в хаотичном ритме и мне хотелось рычать от нетерпения. Член уже вовсю рвался из брюк, но я лишь смотрел на неё…А потом увидел как она резко скользнула пальчиком прямо в себя. И я не смог сдержаться:

– Твою мать, Марианна!

Я поднял взгляд и увидел, как она прикусила нижнюю губу. Тогда я ещё не знал, что эта картина будет часто являться мне в воспоминаниях: моя жена, раскрасневшаяся, лежащая на спине, с искусанными губами и прикрытыми глазами…ласкающая себя и невыносимо сексуально постанывающая.

Я не выдержал рванул кружево трусиков, чтобы видеть, как ее пальцы исчезают в розовой плоти и блестят от влаги. Хрипло застонав, наклонил голову и коснулся ее лона языком, Марианна тут же схватила меня за волосы, громко вскрикнула. Я сам проник в нее средним пальцем на всю длину и ощутил, как ритмично она сокращается вокруг него, услышал ее резкий крик, но не дал сомкнуть колени, продолжая ласкать ее пальцем и языком одновременно.

Когда последняя судорога стихла, она открыла глаза и, приподняв голову, посмотрела на меня с томной улыбкой. Я же снова наклонил голову и стал её облизывать. Я чувствовал на своём языке её вкус – самый сладкий сок на свете! Член уже буквально молил о разрядке. Дёсны пекло, температура тела зашкаливала. Но я продолжал нежно и неторопливо пожирать ее плоть, миллиметр за миллиметром. Изредка прикусывал кожу и чувствовал, как она выгибается и стонет моё имя:

– Нииик! Пожалуйста…пожалуйста! Возьми меня! Сейчас!

Всё так же продолжая ласкать языком, протянул руку и начал играть с набухшими сосками, заставив её втянуть в себя воздух и жалобно всхлипывать.

Я же приподнялся наверх к ноющей женской груди и облизал сосок. А затем дунул на него и услышал тихий стон.

Марианна лихорадочно стягивала с меня штаны, пока я уделял внимание другому соску. Она бесстыдно распахнула ноги, дерзко поощряя меня на большее. И я уже не в силах был отказаться от этого пиршества. Я медленно вошёл в неё и начал осторожно двигаться. Она была очень горячей и мокрой, горела от нетерпения. Я знал, что она хотела жёсткого и страстного секса, но сейчас хотел по–другому. ЧЁРТ, я тоже люблю ворваться в неё со всей дури и долбиться, что есть мочи! Но сейчас я сдерживал себя. Чувствовал, как по спине стекает пот, по телу проходит дрожь от потребности кончить, но не позволял себе сорваться. Это был один из тех редких моментов, когда я не трахал, не брал её жестко и остервенело, а занимался с ней любовью. Когда казалось, что лучше умереть, чем упустить из виду её закатывающиеся от наслаждения глаза и пронзительные крики удовольствия.

Она кричала моё имя, судорожно сжимая мой член тугой плотью и царапая спину, толкая меня за ту грань реальности, которая всегда стиралась в её присутствии. Я зарычал, изливаясь в неё. Марианна, гладила мои волосы, пока я выравнивал дыхание, положив голову на её плечо и вдыхая воцарившийся в комнате запах бурного секса.

***

Но все мои планы полетели к чертовой матери, как и все в этой гребанной жизни всегда случается «кстати». Воронов захотел немедленно встереться, а я ждал, когда он созреет для разговора. И он созрел, мать его, ночью, когда я все еще думал, что у меня есть время. День…два…неделя. Только его, к сожалению, не оказалось. Хотя, тогда я не мог подумать, что моя жизнь разделится га «до» и «после» нашего разговора.

Утром я позвонил Владу, сообщая о том, что возникли препятствия на пути к границам города. Встретиться пришлось на нейтральной территории, неподвластной ни кланам, ни нейтралам.

Потянулся к бару за бутылкой и налил себе виски. Зорич на моё молчаливое приглашение молча покачал головой. Ну, что же. Как знаешь. Я опустошил бокал и, подхватив портсигар, вышел из машины. В голове начали проясняться мысли. Совсем скоро произойдёт то, о чём я мечтал сотни лет. Хочет этого Влад или нет. Вот только, как обычно, мечты осуществляются только тогда, когда уже не нужны вам.

Влад уже ожидал меня возле своеобразной и еле заметной глазу «стены», испещрённой лазерными лучами. Напряжённый. Челюсти стиснуты, а в глазах полная решимость.

– Какого черта здесь происходит, Влад? Что за херня творится на твоей территории?

Он бросил на меня тяжёлый взгляд.

– У нас серьезные неприятности.

– Это я уже понял, – я усмехнулся и закурил сигару, – прости, я бы предложил и тебе, но не хочется остаться без пальцев. – выпустил дым в воздух, следя за выражением его глаз – Тебе известны причины восстаний?

Есть! Он быстро посмотрел на меня и тут же отвел взгляд:

– Это битва за власть, Ник. Так бывало и раньше.

Прищурился, не отводя взгляда от его лица.

– Но не в таких масштабах. Только битва за власть? И ничего личного?

«Ну же скажи, Влад. Докажи, что тебе не наплевать на моё мнение».

Влад чертыхнулся, разом вспылив.

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду, Ник. Не играй со мной в словесные шахматы. Говори, что это за намеки.

Стало обидно. Он до последнего решил скрывать информацию о сучке Асмодея. Хотя я и ожидал подобного. Не доверяет. Ну, видимо, Мокану, ты всё–таки сам не заслужил этого долбаного доверия от брата. Я приблизился к стене и процедил сквозь зубы.

– Это ты. НЕ играй. С нами. Со всеми. Влааад! Я не намекал! Я всего лишь хотел дать тебе возможность самому мне всё рассказать!

– Рассказать о чем?

Он слегка прищурился и посмотрел на меня с понимание. «Да, Воронов! Я знаю. Грёбаный ад, но я знаю, в какую задницу ты втянул нас всех.».

– Не о чем! О ком? Например, о своей очаровательной маленькой пленнице!

Влад резко выдохнул дым.

– Она должна была стать залогом нашего мира, я собирался рассказать, когда гостил у тебя – ты не дал мне. Все это имеет непосредственное отношение к битве за власть.

Очередная вспышка неконтролируемой злости накрыла с головой. Он пренебрёг моим мнением, и меня же обвиняет в этом.

– Я не дал??? Да, я раз пять дал тебе возможность рассказать, но ты строил из себя непонимающего!

– Дочь Асмодея – могла стать гарантией нашей неприкосновенности!

– Но не стала! Не стала, Влад! – сплюнул на землю и выкинул сигару в сторону, – вместо этого ты подставил нас всех! Себя, меня, свою семью, Братство! Всех! Ради чего? Ради твоих амбиций? Жажды мести?

– Ник, твою мать, не нагнетай. Да, я скрыл, у меня были на это причины.

– Проклятье, Влад, о какой причине может идти речь, если в нескольких странах мятежи, и, чтоб ты знал, за Марианной кто–то установил слежку! какая к черту

может быть причина, а?

Влад поднял руки в примиряющем жесте.

– Успокойся. Я предвидел такое развитие событий. Смотри, – он достал из внутреннего кармана карту и тряхнул, раскрывая ее, на ней секторы семей клана Черных Львов были отмечены черным, семьи, поднявшие бунт – красным, – вот эти семьи не присоединились к мятежу, вот здесь наши территории будут надежно охраняться резервистами. – он внимательно посмотрел на меня – Я выступлю перед народом и пойдем на Асмодея войной. Мы свергнем его правление раз и навсегда в нашем мире. Вместе мы сила, брат. Это шанс отправить его прямиком в Ад. Поверь, я прежде всего забочусь о благополучии клана и Братства.

Прикурил сигару, разглядывая разноцветную карту в его руках. Мало, Влад, слишком мало нас. С тем планом, что он мне сейчас выложил, мы могли в лучшем случае рассчитывать на скорую и безболезненную смерть. Причём всем кланом. Стиснул зубы, когда в голове неожиданно возникла фотография моей семьи.

– Ты показал мне жалкую кучку своих союзников и хочешь сказать, что искренне веришь, что с их помощью можешь победить Асмодея?! Очнись, Влад! Он не просто бессмертный! Он высший демон! Ты даже не представляешь, КАКУЮ опасность он представляет! Ты уже вне закона, Влад! Уже! Я уверен, что у Асмодея давно припасена необходимая бумажка с жалобой на тебя Нейтралам.И нам остаётся лишь ждать, когда он её им предъявит. И что ты намерен делать тогда?

Влад недовольно поморщился.

– Напасть первыми, Ник! Взять его гребаное поместье и найти доказательства его вины. Я не прощу этой суке смерти наших близких. Я не прощу ему ни одну смерть наших собратьев. Он уйдет из нашего мира с позором и поджав хвост, но мне нужна ваша помощь. Ваше доверие.

Доверие? Он говорит о доверии, мать его! После того, как сам же благополучно проигнорировал вопрос о нём. Я смотрел на охваченного возбуждением Влада и понимал, что он своего решения не изменит. Вот только король не осознавал, с

кем начал эту игру. Или же слишком переоценивал свои силы и подготовку. А я знал, что это нельзя ни в коем случае делать. Я вспоминал об этом грёбаном ублюдке слишком часто, наблюдая, как веселятся и играют моя жена и дети. Почти каждый день голову посещали мысли, что всё могло обернуться совсем по другому. Стиснул зубы, отгоняя мрачные образы.

– Влааад, ты просто не понимаешь, о чём говоришь! Ты даже не представляешь, с кем начал эту грёбаную игру! Если не веришь мне, спроси у Мстислава, что из себя представляет Асмодей!

Влад озлобленно сжал руки в кулаки.

– Да плевать что он из себя представляет! У меня есть козыри. Есть план. И я хочу, чтобы ты пошел за мной. Мы ударим его так как никто и никогда не бил эту тварь. Нас будет много. Со временем, но будет. В этом мире закон это МЫ!

– И ты готов сейчас развязать встречную войну? Готов рискнуть всем? Оказаться один на один с Асмодеем и Нейтралами? Готов к тому, что возможно, всех нас отправят под суд и казнят? Готов? Если ты – да, то я – нет! У меня есть жена и дети! И я не хочу лишиться семьи из–за твоих великих планов мести, Влад! Я пас! Все что я могу – это предоставить тебе пристанище на моей территории.

Влад невольно отступил на шаг назад. В карих глазах читалось недоумение и неверие в происходящее.

– Твою мать, Ник, только не говори, что ты сейчас отворачиваешься от меня. Ты это серьезно? Что значит ты пас? А о чем забочусь я? Не о семье?

– Я не знаю, о чём ты заботишься! Может, и о семье, но твой ход в корне неверный, брат! Я уже побывал в том аду! – Демон раздери эту проклятую стену! Как же хотелось схватить его за плечи и хорошенько встряхнуть. – Твою мать, Влад, твоя дочь тоже там побывала. Нашей семье этого дерьма хватило по горло!

Влад сделал резкое движение вперёд и оскалился, показывая клыки. Он был в ярости. По бледному лицу пробегали чёрные вены, глаза горели красным.

– Дьявол, Ник. Это наш шанс, наш единственный долбанный шанс избавиться от этого урода навсегда и на законных основаниях. – я покачал головой, поражаясь ходу его мыслей. – Не отворачивайся. Эй! Ник! Мать твою. Мы сколько прошли вместе этого дерьма. Демоны убили нашего отца, Лина погибла по их вине. Вспомни, сколько наших собратьев погребены под руинами проклятого банка крови? Вспомни! Он вышел сухим из воды! Ник, посмотри мне в глаза и скажи, что не пойдешь за мной. Посмотри мне, сукин ты сын, в глаза и скажи, что бросаешь меня сейчас!

Сердце сжали ледяные щупальца тоски и безысходности. Каждый из нас принял решение. Я уже знал, что не смогу его разубедить. Как знал и то, что через пару-тройку секунд жестоко разочарую своего брата. Брата, который связывал такие большие надежды со мной.

– Влад, каждое твоё слово–правда! И я абсолютно согласен с тобой! И так же, как и ты я готов убить Асмодея! Я готов делать это каждый день тысячами разных способов. Мочить этого гада…Но с меня хватит! Я устал трястись в страхе за свою семью. Твои дети уже взрослые, Влад. А мои слишком малы. Я не могу, брат! Я не принимаю твой план! Мы придумаем другой способ. Не сейчас. Позже.

– Я больше не Король Братства, Ник. Позже уже не будет никогда. Только сейчас. Я возьму его за яйца и буду сжимать так сильно пока они не лопнут! Брат…– Влад покачал головой – я не верю, что ты говоришь мне это. Я не верю. Я рассчитывала на тебя. – следующие слова он практически выкрикнул мне в лицо – Я.РАСЧИТЫВАЛ. НА.ТЕБЯ. МОКАНУ!!!!

Посмотрел ему в глаза. Так и есть. В них всё ещё горит надежда. Сколько раз мы оставляли все разногласия за спиной и встречали опасность вместе? Плечом к плечу. Влад имел все права требовать от меня этой поддержки. Слишком многое он когда-то сделал для меня. И понимание этого изнутри подтачивало уверенность в выборе правильного решения. Вот только я уже не имел никакого права так рисковать своими детьми и женой. Произнёс медленно, не повышая голоса. Он поймёт. Я надеюсь на это.

– Значит, в этот раз ты ошибся, Воронов! Я своё слово уже сказал! И это слово НЕТ!

На мгновение Воронов закрыл глаза, смиряясь с поражением. Но когда открыл их в них царила всё та же решимость.

– Значит, я пойду в этот бой один, и я подниму клан без тебя, Ник.

Упрямый сукин сын!

– Какой клан, Влад? Уже нет никакого клана! Ты сам отлично знаешь, что он сейчас расколот как минимум на две части! И одна из них не поддерживает тебя. Более того, они готовы выдать тебя и всех твоих родных Асмодею, лишь бы только прекратился тот ужас, который сейчас с ними со всеми происходит. Так что ты представляешь сейчас только половину клана! – сделал паузу, обдумывая свои последующие слова. Понимая, как воспримет их он – Отдай мне вторую часть, Влад, и я постараюсь поднять её и успокоить.

Влад резко опустил руки. В глазах явно читался шок. Этого он точно не ожидал.

– Ты…ты хочешь расколоть клан, Ник? Ты не только отворачиваешься от меня, ты хочешь разделить нас на части?

Я покачал головой.

– Нет, Влад! Он уже давно расколот! С тех самых пор, как начались мятежи. Тогда Чёрные львы перестали быть одним единым! И я не отворачиваюсь от тебя. Ни в коем случае. Но если я вижу, как ты ведёшь нас всех к верной гибели, я сделаю всё возможное, чтобы спасти стольких, скольких смогу. Зачем тебе подданные, которые будут мечтать о твоей смерти, готовые предать тебя при первой возможности? Отдай их мне.

Он медленно выдохнул, а потом усмехнулся, разглядывая моё лицо так, будто видит впервые.

– Все. Хватит. Я тебя понял. Завтра тебе пришлют по электронной почте все бумаги.

Я мог…черт…я мог быть не таким наивным идиотом, спасибо Мокану, что тыкнул меня в это дерьмо еще раз и показал мне чего ты на самом деле стоишь. Давай убирайся, трусливо поджав хвост. Я подпишу. Все это по праву твое. Забирай и катись к такой–то матери. Ты всегда хотел власти, теперь ты ее получишь.

А это больно. Когда в очередной раз тебе указывают твоё место. Причём делает это некто важный и дорогой для тебя. Я понимал, как он воспримет моё требование. Понимал, что в его глазах снова стану корыстным подонком, затесавшимся в его семью. Тем не менее, я и предположить не мог, как сильно будет саднить в груди от этого презрительного тона.

– Влад! Твою мать, Влад! Посмотри на меня и хорошо запомни мои слова: если бы сейчас я был один, я бы играл на твоих условиях! Но сейчас у меня есть семья. Это же и твоя семья, Воронов. Твоя дочь и внуки! И я должен, понимаешь, должен, заботиться о них. Потому что больше некому! И моя жажда власти здесь абсолютно ни при чём. А насчёт бумаг– я хочу подписать их сегодня. Завтра может и не быть для нас! Так что поторопись с этим. У меня всё.

– Позаботься о моей дочери и внуках, Ник. Поклянись, что сделаешь все, чтобы они остались в живых и уведи их, когда я введу армию в твой город, пройду победным парадом по твоим улицам и рядом со мной знамя победы ты не будешь держать. Иди, Ник. Только сначала поклянись, что сделаешь все чтобы моя дочь, МОЯ семья остались живы…и иди. Это твое право. Сейчас я рад, что отец мертв, ему бы было больно, как и мне.

Вот он. Его ход конём. Знал, как задеть, да побольнее. Прикусил щеку с внутренней стороны. Только не вспыли, Мокану. Этим ты только выдашь себя. Теперь ты не имеешь права разыграть не ту карту. Я прищурился, наблюдая, как плотно сжал губы мой брат, теперь находящийся по ту сторону баррикады.

– Поверь, Влад, я как никто другой, хотел бы, чтобы твои слова оказались вещими. НО я знаю, что это не так! Клясться я не буду, потому что никогда не даю клятв!

Влад молча развернулся, даже не попрощавшись, и направился к своей машине. А я до последнего стоял у лазерного ограждения, провожая его взглядом. И только когда «Мерседес» рванул с места, а я уже садился в собственный автомобиль, мысленно прокручивая наш диалог, в голове вдруг послышался

голос брата «Я больше не Король Братства, Ник…» Вот оно! Какого хрена?! Как я мог пропустить эту информацию? Возможно ли, что именно это скрыл от меня глава ищеек?

Глава 4

Я зашёл в кабинет и громко хлопнул дверью! Ну, спасибо, братец, удружил! Заварил кашу, которую и вместе нам не расхлебать. Подошёл к стойке и плеснул себе виски. Я чувствовал, как меня рвёт на части от злости и безысходности. Нужен был план дальнейших действий, но тот, что постепенно складывался в голове, мне кардинально не нравился. Я продумал десятки вариантов, пока ехал после встречи с Вороновым в ближайшую гостиницу. А после – и в самолёте на пути в Лондон, но ни один из них не казался более вероятным, чем тот, что я считал наименее приемлемым. Только не сейчас. Не после того, что произошло три года назад. Не тогда, когда мы были по – настоящему, безоговорочно счастливы, пусть и не такое долгое время.

Хотя…Осушил бокал одним глотком и снова потянулся к бутылке. По большому счёту, других вариантов я пока не видел. Да, пусть тот, к которому я всё больше склонялся, и будет весьма болезненным для нас, но он, по крайней мере, способен обеспечить безопасность моей семьи. И помощь королю. Истинному королю братства.

Встреча с Альбертом прошла не совсем так, как я рассчитывал. Нет, конечно, я не настолько наивен, чтобы думать, что Эйбель с распростёртыми объятиями пойдёт на встречу. Но всё – таки предпосылки к положительному для меня итогу встречи имелись.

Более того, этот напыщенный болван вместо того, чтобы адекватно и сразу согласиться на встречу, выгодную нам обоим, долго ломался. Как будто я с ним не разговаривать собирался, а целку его рвать! Сука! Я даже удивился, что он позвал меня к себе домой. Хотя, он, несмотря на замашки настоящего индюка, дураком явно не был. И, видимо, поэтому не захотел разговаривать со мной на публике. Ведь неизвестно ещё, чем обернётся надвигающаяся война, так зачем светить себя заранее с одной из сторон? Умная сволочь.

Пока ехал к нему, тщательно обдумывал, ЧТО ему скажу. Был практически уверен, что он сразу согласится. Так как, несмотря на пошатнувшееся положение Влада, Чёрные львы всё ещё достаточно сильны, и объединение клана актёров и художников с европейскими Чёрными – довольно неплохой способ упрочить положение Северных львов и их предводителя. Особенно в свете последних событий.

Чёрт, да, я даже приказал бумаги приготовить и подвезти их к дому Альберта. Однако, позднее оказалось, что я значительно поторопился. Эйбель пригласил меня в гостиную и, предложив виски, начал рассуждать на тему о необходимости быть особо осмотрительным в "такое нелёгкое для всех время". Я слушал его краем уха в то время, пока меня разбирала злость от осознания того, что Альберт не подпишет в ближайшее время бумаги об объединении кланов. Я знал, что внешне остаюсь таким же равнодушным, как и зашёл в этот дом, но чего мне стоила эта показная невозмутимость…

– Николас, познакомься, это моя родная сестра Изабэлла. Бэлла, это князь нашего братства Николас Мокану.

К нам присоединилась стройная блондинка. У девушки была тонкая талия, высокая грудь и длинные ноги, но что–то меня отталкивало в ней. Может быть, хищный взгляд её холодных серых глаз. Она смотрела так, будто в мыслях уже раздела меня донага и вовсю трахала.

– О, тот самый Николас Мокану! – Говорит с придыханием, выделив голосом "тот самый". – Как же, наслышана о Вас, Николас.

Ещё бы ты не была обо мне наслышана. Такие шлюшки, как ты, всегда любили обсуждать меня. Но играть свою роль мне надо до конца, и потому, лениво улыбнувшись, подыгрываю ей:

– Дааа…И что же именно Вы, милая Бэлла, обо мне слышали?

– Очень многое из того, о чём не могу думать спокойно. – Она посмотрела прямо в глаза и медленно облизнула нижнюю губу.

– Не думал, что мысли обо мне заочно Вас, – сделал паузу, будто подбирая нужные слова –…возбудили. Учитывая то, что я,– нарочито медленно оглядел её с ног до головы, задержавшись взглядом на груди, – сам пока не приложил к этому усилий. По крайней мере, пока.

Она захлопала глазами, видимо, не ожидая, что я стану так говорить в присутствии её брата, который тут же повернул разговор в нужное русло.

В общем, поездку к немцу нельзя считать успешной в полной мере, но и неудачной она не была. По крайне мере, теперь я знаю, как можно воздействовать на старика Аби в случае чего. И его блондинистая сестра, уверен, неплохо сослужит мне в этом.

***

Я поймал за локоть проходившую мимо столика официантку и попросил повторить заказ. Она улыбнулась и, виляя задницей, отправилась выполнять его. Затянулся сигарой и лениво посмотрел на танцовщицу. Уже минуты две она работала практически на меня одного. Стриптизёрша сексуально извивалась под музыку и бросала многообещающие взгляды. Вот она прогнулась почти до самого пола и улыбнулась мне. Раздражённо положил купюру на утонувшую в блёстках сцену и отвернулся от блестевших чистой похотью глаз. Прости, детка, но твои телодвижения для меня интересны ровно настолько же, насколько и рост популяции сурикатов в Африке.

– И всё–таки Николас Мокану не меняется, что бы о нём ни говорили.

Изабэлла подошла ко мне и прижалась щекой к щеке, имитируя поцелуй, и потираясь уже возбуждёнными сосками о мою грудь. Практически течёт и уже готова согласиться на всё, что угодно. Даже несмотря на то, что я ничего и не предлагал. Спросите, как она здесь оказалась? Это я её пригласил. Когда уже сегодня Альберт на мой звонок ответил, что ему необходимо ещё время подумать, я понял, что пора действовать другим способом. Время поджимало. Я оставил в одиночестве свою жену. Мои дети были, пусть в безопасном месте, но всё же вдалеке от родителей. А брат, наверняка, вовсю проклинал меня как предателя. И у меня совсем не было ни этого самого времени, ни особого желания ждать, пока немец снизойдёт до подписания нужных бумаг.

До последнего надеялся, что не придётся его применять, но не повезло. Итак, настала пора применить особый метод культурного убеждения строптивых особ, исключающий угрозы и запугивание. Метод Мокану. Надо будет запатентовать его. Я уже собирался набрать своим, чтоб пробили телефон его сестры, как мне позвонили на сотовый:

– Николас, это Вы? – Глубокий голос Изабэллы я узнал сразу.

– Изабэлла, когда я слышу такой сексуальный голос, меньше всего мне хочется, чтобы его обладательница обращалась ко мне на «Вы».

Она сексуально рассмеялась. Причём, это прозвучало так, будто девушка ставила свой смех часами, записывая на диктофон, а затем прослушивая.

– Негодяй! И как же ты догадался, что это я?

– Ну, скажем так,– небольшая пауза, – я ждал твоего звонка.

– Ммм, – хриплый смешок, – …и зачем?

А затем, что согласен даже оттрахать тебя, лишь бы твой недоумок–брат подписал чёртов договор. Но вслух произнёс совершенно другое:

– Ну, может быть, затем, что ты меня заинтересовала так, как никто в последнее время. И я не прочь бы увидеться. Без присутствия твоего брата. Ты хочешь встретиться, куколка?

– Да, очень! – кто бы сомневался. А вот сейчас будет небольшая проверочка. Хотя я уже и имел довольное чёткое представление о ней после вчерашней встречи.

– Детка, я сейчас в стриптиз–клубе "XXX". Знаешь, где это? Ну, и отлично. Давай, тогда подъезжай. Буду тебя здесь ждать.

– Хорошо, я скоро буду, Мокану. Смотри не уйди оттуда.

Бинго! Какая разница в какой семье родилась женщина, она может быть аристократкой или уличной торговкой, суть её одна и та же – обычная похотливая сучка!

И теперь Изабэлла Эйбель стояла передо мной в коротеньком чёрном платье с глубоким декольте и улыбалась, ожидая ответа на свою реплику.

– Бэлла, девочка, Мокану настолько совершенен, что ему нет смысла меняться! Кто бы что бы ни говорил.

– Но я слышала, что ты верен своей жене Мар…

Я не дал ей договорить. Мне не понравилось, как звучало имя Марианны в её устах. Казалось, будто оно становится грязным. Поэтому я вздёрнул одну бровь и сказал:

– Н–да, а я–то думал, что ты захотела встретиться со мной, а не с Марианной. Мы можем поехать сейчас ко мне домой, и ты там познакомишься с моей женой и расскажешь всё, что слышала обо мне. Как тебе такой план?

Изабэлла скорчила гримасу и отрицательно покачала головой:

– Ну, уж нет, Мокану. Раз уж я заполучила тебя в своё пользование, неважно на какое время, я не собираюсь делить тебя ни с кем!

Я самодовольно улыбнулся и, обхватив её за талию, направился в сторону VIP–кабинок.

С Изабеллой я попрощался ближе к двум часам ночи. Думал, надолго меня не хватит, ан нет, продержался с ней около трёх часов. Нет, никакого секса не было. Меня буквально коробило от мысли трахнуть эту шлюху. Иногда совершенно необязательно заниматься с женщиной полноценным сексом. Достаточно намёков, лёгких полутонов, движений рук и головы, вовремя измененного тембра голоса…И она уже счастлива настолько, будто её имели несколько часов кряду.

Тем не менее, все это время блондинка неутомимо меня соблазняла. То наклонялась так, что грудь буквально вываливалась из декольте, то ногу на ногу перекладывала. Шерон Стоун, мать её! А я смотрел на это и понимал, что будь здесь со мной Марианна, ей бы не пришлось применять ни один из этих методов, чтобы возбудить меня. Мне бы хватило тонкого аромата её желания или влажного блеска глаз, чтобы сойти с ума и наброситься на неё.

И всё же результат стоил потраченного времени. Изабэлла полностью согласилась со мной в том, что один сильный клан лучше двух слабых и расшатанных. И, что немаловажно, заверила меня в том, что обязательно поговорит с братом на эту тему. А малышка, как я отчётливо понял, имела немалое влияние на своего родственничка. И это значило, что уже можно возвращаться в Англию. И там уже начинать играть первое действие спектакля.

***

Ещё перед вылетом из Лондона я отдал приказ охране никого не впускать на территорию нашего особняка. Равно как и не выпускать. Знал, что это не совсем справедливо по отношению к Марианне. Но так же и понимал, что это было единственным верным решением на тот момент, учитывая сообщение об установленной за ней слежке.

Теперь я уже подъезжал к дому и старался успокоиться: ещё в клубе мне позвонили из охраны и сообщили, что Марианна вопреки моему запрету всё–таки покидала дом!

К ней, видите ли, приезжала близкая подруга, жена моего партнёра по бизнесу, частенько проводившая время у нас, и они вдвоём куда–то ездили. Ну, о том, что она способна нарушить мои запреты, я не сомневался. Неприятно, но такое уже бывало. Но вот тот факт, что охрана допустила подобное, это уже нонсенс! А уж, когда я думал о том, что эта самая подруга вполне могла быть послана нашими врагами, то вся спина покрывалась холодным потом.

Марианна стояла возле гаража и смотрела на меня, не отрываясь. И то, как она стояла на лондонском ветру, обхватив руками тонкие плечи, заставило сердце сжаться от нежности. Такая хрупкая, но в то же время решительная. Даже сидя в машине, я чувствовал ту злость, которую она сейчас испытывала. Загнал

машину в гараж и подошёл к ней.

– Здравствуй, дорогая! – Обхватил руками её замёрзшие пальчики и поднёс к губам.

– Мне тут сообщили что ты сегодня неплохо покаталась?

– Доброе утро дорогой! Ты тоже очень неплохо покатался в эти дни.

Она злится. Нет, скорее в бешенстве. Глаза горят, дыхание хаотично вырывается из груди, а щёки окрасил румянец негодования. До боли захотелось прижать её к себе и покрыть поцелуями её сердитое лицо, преодолевая напрасное сопротивление, а затем, когда она уже начнёт оттаивать в моих объятиях, закинуть её на плечо и отнести в спальню, где я наказывал бы её до самого утра. Но я не мог этого позволить себе сейчас.

– Сейчас мы говорим не обо мне. И даже не о том, кто и как проводил время. – Сжал её руки. – Мы говорим, о том, что ты проигнорировала мое требование не покидать пределы дома!

– А ты, – она вырвала руку и ткнула указательным пальцем мне в грудь, – посмел вести за моей спиной политические игры, Ник. Ты посмел скрывать от меня то, что сейчас происходит в братстве, и ты посмел разделить нашу семью на части.

– Малыш, повторяю, сейчас я хочу знать лишь одно, – я приблизился к ней и наклонил голову, удерживая её взгляд, – какого хрена, ты выходила из дома, Марианна?

Она прищурилась:

– Я не твоя служанка! Быть женой Мокану – не значит быть твоей рабой! И с каких пор я должна спрашивать разрешение для совершения самых обыденных действий? Ты же не спрашиваешь моего разрешения и шатаешься по притонам в поисках приключений, когда семью рвет на части!

Я почувствовал, как в голову со всей дури ударила ярость! Каждое её слово было одновременно и заслуженным, и несправедливым. Сам не понял, как схватил её

за горло рукой и прошипел:

– Нет, ты не моя раба, Марианна. Ты моя жена! И должна в точности делать так, как я говорю. Потому что ЭТО – не моя блажь! В первую очередь, я забочусь о твоей безопасности, понимаешь? – Я слегка сжал руку и продолжил. – Ты моя жена, и значит должна слушаться меня. Беспрекословно! И мне глубоко наплевать, отец, мать, брат или сестра! А тем более, подруга! Если я сказал, ни с кем и никуда, то будь добра – слушайся!

Она опешила от моих слов и со всей силы вцепилась в мою руку. Её буквально трясло от злости:

– Я твоя жена, но я не вещь, Ник. Запрещая, объясни почему, возможно тогда я послушаюсь. А сейчас ты пьян. Отпусти. Ты делаешь мне больно.

Верно, малыш, я пил. Хлестал виски в самолёте, стараясь заглушить в себе последние остатки того, что люди называют совестью. Так как отчётливо представлял себе, что нас с тобой ждёт дальше.

Усмехнулся, но всё же ослабил хватку:

– Больно, Марианна? Брось, ты отлично знаешь, КАК я делаю больно! А это, – я снова нажал на шею, – это же так…ни о чём…Я просто хочу, чтобы ты знала, если я что–то запрещаю, значит на это есть причины. Важные причины. И если я не раскрываю тебе их, то значит и не надо, чтобы ты знала. Просто выполняй мои требования, и у нас не будет никаких проблем. – Наклонился и издевательски провёл языком по её губам. – А сейчас, малыш, лучше зайди в дом.

Только отвернулся, чтобы уйти, как услышал презрительное:

– Не смей ко мне приближаться после своих шлюх!

Проигнорировав замечание о шлюхах, я резко развернулся к ней и вздёрнул бровь:

– Даже так?

– Меня тошнит от тебя. Я видела тебя с ней! Не считай меня покорной идиоткой, Мокану!

В её голосе слышались слёзы, но моя девочка сильная. Она не срывалась, хоть и тряслась от злости и обиды. А я всё сильнее сжимал руки в кулаки, сдерживая себя от желания прижать её к себе и успокоить, уверить, что нет никакой другой женщины, что она может выходить куда угодно, как раньше, когда достаточно было лишь предупредить меня по звонку о своих перемещениях. Пришлось задушить в себе внезапный порыв.

Шагнул к ней навстречу и, склонив голову набок, спросил:

– С кем ты видела меня, Марианна? Ты хоть спросила, кто это? Сразу сделала свои выводы! – С яростью посмотрел на неё и отвернулся, шагая к дому.

Но чувство тревоги не отпускало, всё больше разрастаясь. Всё–таки не хотел, чтобы у нас с ней было всё вот так. Не надо было, чтобы она видела меня с блондинкой…

***

Я направился прямо в кабинет и позвонил в охрану. Кое – кто явно не понимал, у кого на службе находится. И следовало наказать подонка, тем самым преподав урок остальным. Вызвал к себе заместителя Серафима Дэна.

– Итак, быстро, коротко и чётко. Кто и почему позволил моей жене выйти за периметр?

– Господин, к Госпоже приехала…

– Мне насрать, кто к ней приехал! Отвечай на мой вопрос: кто и почему позволил ей уйти из дома?

Парень побледнел и опустил взгляд. Затем, видимо, собравшись с духом начал:

– Господин…

Я налетел на него и, схватив за грудки, прорычал:

– Кто?

– Я, Господин – сдавленно выдавил из себя охранник.

Идиот тупоголовый! Я оскалился, обнажив клыки:

– Почему? Что из моего распоряжения, твою мать, ты не понял, Дэн?

– Господин, но ведь Вы знаете…

– И ты, вместо того, чтобы послать их или хотя бы позвонить мне и сообщить обо всём, наложил в штаны и беспрекословно послушался каких–то недоумков? – Я встряхнул его.

– Отвечай, тварь! – Он коротко кивнул, и я ударил парня. Сильно и смачно. Голова откинулась назад, из носа пошла кровь.

– Значит, так, запомни: в этом доме ты выполняешь мои и ТОЛЬКО мои приказы! Ни Марианны, ни её подруг, ни короля, ни Бога, ни Дьявола, никого бы то ни было ещё. Только мои, ты понял?

Придурок дышал с трудом:

– Я понял, Господин, но…Она была так расстроена…

Я ударил его ещё раз. Парень упал, и я сел на корточки и, схватив за голову, приблизил его лицо к своему:

– Госпожа была расстроена, а ты хотел успокоить её, да? Отвечай!

Дэн слегка кивнул, глядя на меня расширенными от страха глазами.

– Запомни: никто. Ни король, ни Марианна, ни её брат или сестра. Ты подчиняешься только мне! И никому больше!

Я с силой толкнул его так, что голова несчастного ударилась о стену, и встал на ноги. Подошёл к телефону и позвонил Серафиму.

– Серафим, значит так. Сюда ты назначаешь себе другого зама. Только смотри, чтобы был обученным. Мне сопляки здесь не нужны. А Дэн у нас занят – у него круглосуточная вахта с сегодняшнего дня. И, да, он у нас пару–тройку дней на голодном пайке будет. Никакой крови!

Положил трубку и, даже не повернувшись к охраннику, сказал:

– Всё! Свободен!

Сел в кресло и, откинув голову назад, закрыл глаза. Не был бы вампиром, можно было бы надеяться на то, что всё это всего лишь дурной сон. Что совсем скоро я проснусь. И мне не надо будет отправлять свою жену и детей как можно дальше от себя для того, чтобы спокойно сделать то, что я собирался.

– Долбаный Асмодей! – стукнул кулаком по столу. Как бы не противилось этому всё моё существо, но мне придётся на время стать одним из верных его слуг. Снова. Пусть Влад думает, что брат оставил его. Пусть презирают Изгой и Габриэль за трусость. Но пока что Николас Мокану будет вести тихую и мирную жизнь на противоположной стороне баррикад. Правда, ключевое слово здесь всё – таки «тихая».

Но больнее всё же от того, что снова придётся причинить боль Марианне. Как бы я ни тешил себя иллюзиями об обратном, без этого не обойтись. Только доверься мне, малыш. Поверь, что мне не нужна ни одна блондинка рядом. А, вернее, нужна. Даже очень. Но совершенно не для того, чтобы занять твоё место.

Глотая слезы, сжимая руки в кулаки я пошла за ним в дом. Меня трясло, он ушел от разговора, уклонился как он всегда это любит делать. Недосказанность его конек, а я ненавижу, когда остается неясность. Я хотела получить ответы на свои вопросы. Я хотела понять, что сейчас происходит. Почему мне запретили

выходить из дома? Почему я не получила ни одного объяснения. Поднявшись по лестнице, я остановилась у кабинета мужа. Я слышала все, что он говорил Дэну. Слышала это ледяной тон, звук удара…эти вкрадчивые нотки от которых у всех начинало биться сердце в горле от страха, от паники. Николас Мокану страшен в гневе, и я об этом никогда не забывала, но сейчас мне стало жаль этого паренька. Он не в чем не виноват. Я заставила его открыть ворота. И я обещала, что с ним ничего не случится если он выполнит мой приказ. Получается я солгала. Мой муж лишил меня возможности отдавать приказы в этом доме. Дэн выскочил из кабинета, и я почувствовала, как внутри поднимается волна злости. Я толкнула дверь кабинета и увидела, как муж метнул на меня горящий взгляд и тут же отвернулся к бару, доставая бутылку виски.

– Мы не договорили, Ник. Не нужно уходить от разговора. Теперь ты наказываешь охранников? За мое своеволие? Они не виноваты, что по статусу должны подчиняться и мне тоже! Они не знают, что ты вдруг решил отобрать мои права хозяйки этого дома!

Он слушал меня, а сам наливал себе виски в бокал. Повернул ко мне голову и лениво произнёс:

– Я наказал его не за твоё, а за собственное своеволие. Ему был дан чёткий приказ. Он его не выполнил. Марианна, какая разница кто по ту сторону забора? А если бы твоя подруга приехала не одна и привела за собой наших врагов и тебя бы застрелили или похитили?

Я задохнулась от его слов и уже собралась ответить, но он остановил меня:

– Неважно, кто и зачем. Важно, что он не послушался меня. Милая, я раньше и за меньшее мог сердце вырвать.

– Ник, ты понимаешь, что унижаешь меня этим, выставляешь бесправной в этом доме? В нашем доме! Ты разругался с отцом, ты рвешь меня на части, и я должна делать какой–то нелепый выбор!

Он криво ухмыльнулся:

– Ты уже не в первый раз оказываешься в такой ситуации. А свой выбор ты сделала уже давным–давно! И теперь уже поздно менять своё решение. Ты со мной. И делаешь всё так, как я скажу! И, Марианна, желательно без лишних вопросов

– Ник, что происходит? Ты отдаляешься от меня. Ты…я не узнаю тебя. Ты …как чужой, Ник. Почему?

Мне казалось я задыхаюсь, казалось, что сейчас в этой комнате пусто и хоть он и стоит в нескольких метрах от меня – он далеко, не со мной, не рядом.

Ник подошёл ко мне и вдруг прижавшись лбом к моему лбу, прошептал:

– Я не чужой, малыш! Я всё тот же. Ты забыла, кто я? Я такой, какой я есть и не жди от меня иного.

Мне до судороги захотелось обнять его, рывком, спрятать лицо у него на груди и зарыдать. Это было временное облегчение, вот этот его голос, вот эти слова, а потом снова тот запах духов…чужих. Его руки на ЕЕ талии. Вот эти самые руки, родные руки. Которые сейчас касаются моих плеч. В этот момент стало невыносимо больно. Я отшатнулась от него и глядя в глаза, срывающимся голосом тихо сказала:

– Я никогда не забываю кто ты. Ты не даешь мне забыть.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как слезы все же катятся по щекам. Есть вещи, через которые переступить невозможно.

Я могу простить ему все, но я не прощу вот этого дикого чувства безысходности, когда я должна выбирать между ним и отцом. Это невыносимо. Это сводит меня с ума. Даже то, что я видела его с той женщиной, все меркнет, перед чувством этой безысходности. Ник запретил кому бы то ни было появляться на территории поместья, он обращается со мной как со своей вещью, и он напомнил мне, что я должна его бояться. Нет, хватит, я не боюсь, я видела от него слишком много боли, чтобы ломаться каждый раз, когда он приказывает мне или звереет, не

сдерживая эмоций. Я, наверное, уже прошла тот этап, когда дрожала от его гнева. Сейчас я хотела одного – уехать к детям. Рядом с ними меня не будет пожирать тоска, я не буду видеть, как начинается война между двумя мужчинами которых я люблю, самыми главными мужчинами в моей жизни – моим отцом и моим мужем.

Я не приму твоих решений Ник, ведь ты не принимал в расчет мое мнение, мои чувства, мою боль и тоску.

Я вернулась к нам в спальню, несколько секунд смотрела на нашу постель, а потом решительно вышла оттуда и направилась в комнату Ками. Завтра прикажу слугам оборудовать для меня в доме другую спальню. Я больше не буду безропотной овцой на заклании, я тоже имею право голоса и право, чтобы с моим мнением считались. Я вошла в детскую и заперлась на ключ изнутри. Да, он разнесет дверь в щепки ели решит зайти, но он будет знать, что я этого не хочу. Бросилась на постель, и инстинктивно обхватив подушку руками зарыдала. Я еще не понимала, что это начало конца. Начало моего осознания того, кто такой на самом деле Николас Мокану и что я значу для него. Приоритеты были расставлены и я…я далеко не на первом месте в его списке жизненных ценностей, я скорее приложение к вальяжной жизни хищника, легкая добыча, которую можно легко заманить в свои сети.

Но и я изменилась, Ник. Я выросла рядом с тобой. Я уже не та девочка, которая смотрела на тебя восторженными глазами и внимала тебе как Богу. Я взрослая женщина и не хочу, чтобы ты ломал меня, подминал под себя. Я устала. Я хочу жить, дышать улыбаться, смотреть как растут наши дети и быть счастливой. Только я почему–то не уверенна, что ты сможешь мне все это дать, потому что моя любовь к тебе, она как безумие, которым горит моя душа, а ты…ты убиваешь меня ядом жестокого безразличия, но ведь всегда есть предел…когда любовь может умереть, захлебнуться в агонии…и я …я боюсь утонуть в пустоте. Я боюсь разочароваться в тебе…

Глава 5

Когда я выходил из душа, я уже знал, что Марианны нет в нашей спальне. Так уж сложилось: я всегда чувствовал кожей её присутствие рядом. Сейчас же я ощущал лишь холод пустой комнаты вокруг себя, и откуда–то появилось нестерпимое желание найти её. Найти Марианну и успокоить. Я знал, что она чувствует. Я читал это в её глазах, позе и словах. Моя девочка не просто обижена, она в полной растерянности от того, что не понимала происходящего. Я ощущал собственным телом ту боль, что сейчас терзала её, разрывая Марианну буквально пополам.

Обо всём этом я знал и без её слов. Вот только не мог ничего сделать, чтобы изменить это состояние. Пока не мог. Вопрос о том, чтобы рассказать все подробности нашего с Серафимом плана моей жене, даже не стоял. Узнай, она, что я задумал, ни за что бы не согласилась со мной. Более того, уверен, стала бы мешать в осуществлении задуманного.

А то, что мой план уже совсем скоро вступит в действие, я понял после звонка Альберта. В котором глава Северных сообщал, что согласен подписать договор об объединении двух кланов. Что же, Мокану, неплохо поработал! Вот только даже это не приносило облегчения. Наоборот, всё больше сжималось сердце от предчувствия беды большей, чем сейчас угрожала нам. Долбаная интуиция!

Правда, немец уточнил, что проект документа разработают его юристы. А это значит, что он готовится выторговать себе нехилые дивиденды с заключения этого соглашения. Надо будет немедленно вызвать к себе Серафима и всё – таки подготовить и свой вариант договора.

Всё это я обдумывал, пока шёл по коридору в сторону комнат детей. Я знал, что Марианна в одной из них. Она всегда в моменты меланхолии приходила туда, даже если самих детей не было дома. Заглянул в комнату Сэми, и, убедившись, что она пуста, подошёл к маленькому царству моей принцессы.

Я дёрнул ручку, но она не поддалась. Вот это сюрприз, Николас! Меня захлестнуло бешеное желание сломать эту грёбаную дверь к чертям собачьим. Зайти в комнату и напомнить Марианне, как я ненавижу запертые двери. Я чувствовал, как кровь со скоростью света гнала по венам, и удлинялись клыки. Твою же мать! Она отлично знает, что какая–то хлипкая деревяшка для меня не преграда! Просто таким способом решила показать мне моё место. Я уже занес руку, чтобы снести это препятствие, но в последний момент остановился.

Если она хочет поиграть в обиженную невинность в последние дни нашего совместного пребывания, то пусть так и будет! Я развернулся и пошёл обратно в спальню, напоследок громко бросив ей:

– Это был твой выбор, Марианна!

Намного позже, уже после телефонного разговора с Зоричем, в котором приказал ищейке достать мне всю информацию об Изабэлле Эйбель, я сидел в кабинете, заливая в себя один за другим бокалы виски и борясь с желанием подняться наверх к Марианне. К этому времени я уже пару раз набирал номер Влада, но упрямый сукин сын, похоже, включил меня в чёрный список. Хотя, наверное, это всё–таки произошло не сейчас. Иногда казалось, что брат меня из этого списка даже и не исключал.

Конечно, чего греха таить, подобное чаще случалось всё же по моей собственной вине. Когда решения принимались вот так. Единолично. Только, как показали события трёхгодичной давности, иногда из–за необдуманных или же эгоистичных действий одного страдают сотни и даже тысячи невинных.

Этого дерьма я сполна наелся в последней войне против демона. Теперь подобное предстоит сделать Владу. Не было ни капли сомнений в том, что Воронов сейчас совершает те же ошибки, что и я не так давно. Вот только, как говорится, со стороны всегда легче увидеть чужие промахи.

Уже завтра я подпишу с Эйбелем контракт и официально стану не только отделён от брата в глазах общества и, что важнее, Асмодея, но и стану, в какой – то мере, его прямым конкурентом. Конкурентом за власть, влияние, бизнес. Для Влада я стану подлым предателем, ради корысти поправшим принципы нашего отца. А Марианна убедится в который раз, что тот, кого она полюбила, не что иное, как придуманный ею самой образ.

И в такой ситуации время играло против меня. Чем больше я тянул с тем, чтобы отправить Марианну в поместье на нейтральной территории, тем больше становилась вероятность неблагоприятного исхода всей этой истории для нашей семьи.

***

Вчера мы подписали с немцем договор об объединении кланов. Изабэлла тёрлась об меня, как голодная кошка, совершенно уже не стесняясь присутствия братца и Серафима рядом. Всё шло по накатанной. Именно так, как я и планировал. Вот только сейчас, сидя в одиночестве в собственном кабинете, я не чувствовал никакого удовлетворения на этот счёт. Каждый шаг вперёд, что я делал для достижения поставленной цели, отбрасывал меня на пять или десять шагов назад в отношениях с любимой женщиной.

Прошло два дня с момента той ссоры, а мы с ней не перекинулись ни словом. Это было не просто тяжело. Это было больно даже на физическом уровне.

Думаю, такую боль можно сравнить с мукой умирающего от жажды человека. Когда он сидит напротив целого графина с кристально чистой прохладной водой, но не может утолить своей жажды, потому что его отделяет от вожделенного желания непробиваемая прозрачная стена.

Примерно подобное чувствовал и я. Вот только в нашем случае это было тяжелее вытерпеть. Потому что эту самую стену воздвиг я. И только мне по силам было снести её. Да мне это было по силам…Но в то же время я не мог, я мать его, не мог ее раскрошить, взорвать, разбить, потому что там за этой самой пресловутой стеной, нас ожидала целая бездна крови, боли и потерь…страшных потерь, невосполнимых.

Зашёл слуга и доложил о приезде Серафима. А после появился и сам ищейка, который поведал о последних событиях в том мире, в котором оставался Влад, и отчитался по заданным ему ранее вопросам об Изабэлле. Также он рассказал и о том, какие нам предстоит заключить контракты с учётом нового положения и недавно созданного клана.

Подошёл к бару и предложил Зоричу виски, заранее зная, что он откажется. Тот вдруг прервал свою речь о договорах и осторожно поинтересовался о том, как поступить с теми наблюдателями, что оставались в доме каждого из членов моей семьи. Хороший вопрос, если брать во внимание тот факт, что в мятежное время остаются единицы тех, кому можно безоговорочно доверять. Я сел в кресло и, пожав плечами, прикурил сигару. Прищурился, глядя на Серафим. Просто образец невозмутимости. Готов голову дать на отсечение, что у него в

мозгу постоянно крутятся тысячи шестерёнок, но вы никогда не увидите этого. Только те эмоции, которые он считает нужными показать. А Зорич таковой признаёт только одну – полную невозмутимость.

Выдохнул дым в потолок:

– Пусть остаются на местах. Наблюдение за ними не прекращай. И насчёт Влада…Не поверю, что ты не сможешь найти хотя бы одного способного вампира, который мог бы регулярно поставлять нам информацию из королевской резиденции, – я поморщился, заметив секундный блеск в его глазах, – вернее, из особняка Воронова. На этом всё, Зорич. Ты свободен.

Опустошил бокал и, машинально потянувшись за бутылкой, остановил, собравшегося уйти, ищейку:

– Кстати, Серафим, ты должен будешь совсем скоро отвезти Марианну в одно из моих поместий. Да, в сопровождение ей отправь своего бывшего зама…как там его..Дэна. Думаю, после преподанного недавно урока парень горит желанием доказать, что он исправился.

Зорич коротко кивнул и склонил голову на бок, во взгляде появилась заинтересованность:

– Всё–таки, Николас, ты решил…

– Именно. Будем придерживаться плана с Изабэллой Эйбель…Которая, – саркастично усмехнулся, – совсем скоро станет твоей новой госпожой.

Серафим ушел, и практически сразу я услышал лёгкие шаги Марианны за дверью. Вот она, видимо, в нерешительности остановилась. Сердце галопом понеслось вскачь. Пришла. Сама. В груди вспыхнула надежда на примирение. Пусть хотя бы ненадолго. На пару дней. На день. Но день, который мы проведём вместе. В любви и нежности, но никак не в ненависти или презрении друг к другу.

– Входи, Марианна. Не заперто.

Дверь осторожно открылась, а у меня вдруг задрожали руки от болезненной тяги прикоснуться к ней вот такой, ранимой и грустной. Залпом опустошил бокал и выкинул его в камин. Марианна всё так же стояла возле двери, не решаясь подойти ближе.

– Полагаю, игра в молчанки окончена? Пришла поговорить? Созрела?

Я специально говорил грубо, стараясь обидеть её. Либо так, либо я сам брошусь к ней…

Она многозначительно посмотрела в сторону бутылок, выстроившихся на столе. Осуждает…Ухмыльнулся:

– Не думаю, что ты пришла ради лекции по поводу вреда алкоголя для печени вампира?

Она вздёрнула подбородок вверх:

– Я пришла сказать, что я уезжаю в Лондон к детям.

Надежда на примирение лопнула с громким хлопком, резонансом по нервам, итак натянутым до предела.

Улыбнулся, стараясь скрыть дикое разочарование:

– Даже так? Охренительно! Я как раз собирался предложить тебе уехать.

– Значит, ты уже и это решил за меня? Спасибо, что так заботишься обо мне. Угадываешь все мои желания.

В голосе тонна презрения. Прикусил щеку с внутренней стороны. Играем до конца, Мокану. Нет времени для сантиментов.

– Я стараюсь. Я очень стараюсь угодить тебе.

Чёрт, девочка, знала бы ты, чего это стоит мне, как меня выворачивает изнутри, как хочется крушить всё вокруг от безысходности и бессилия что–либо изменить.

– Конечно, ведь я принадлежу тебе, – она шагнула ко мне, – и ты мною распоряжаешься, как тебе вздумается, как своими вещами. Это я не могу распоряжаться тобой, а тебе все позволено.

Захотелось громко расхохотаться. Я перестал распоряжаться своей жизнью по собственному усмотрению более десяти лет назад. С тех самых пор, когда одна маленькая взбалмошная девчонка, в лесу, шантажом, вынудила меня поступить так, как было выгодно ей. Именно с того времени я перестал принадлежать самому себе.

Но вслух я произнёс совершенно обратное:

– Марианна, неужели за все эти годы ты не поняла одной непреложной истины: да, ты принадлежишь мне! А вот Николас Мокану не принадлежит никому!

Она резко побледнела и срывающимся голосом произнесла:

– Я рада, что ты мне напомнил. Только скажи мне, Ник, разве брак подразумевает принадлежность в полном смысле этого слова? Брак подразумевает рабство? Игру в одни ворота? Я не подписывала договор с работодателем, я не продавала тебе авторские права на меня! Я выходила замуж за любимого мужчину, а не за Хозяина. Если ты считаешь меня своей вещью, Ник, то ты очень сильно ошибаешься. Я принадлежу тому, кто принадлежит мне. И эта принадлежность не мое тело, а моя душа, мое сердце. Если твоя душа и твое сердце никогда не были моими, то мне искренне жаль, что я настолько заблуждалась в тебе.

Вскочил с кресла не в силах усидеть на месте. Но и смотреть в её глаза не мог. Отвернулся к окну. Хотелось заорать, что, да, она заблуждается в отношении меня. Но не в том контексте, что ей представлялся. Хотелось встряхнуть её за плечи и трясти так долго, пока в ее глазах не исчезнет ненавистное мне выражение недоверия. Это не могло быть правдой. Иначе не пошла бы она из–за меня к Асмодею…Иначе не простила бы тогда, когда я сам себя не прощал.

– Да! Брак подразумевает принадлежность! – Я развернулся к ней, и она от неожиданности отступила на несколько шагов назад, – Если мы говорим о тебе! И ты не хуже меня знаешь, что принадлежишь мне во всех смыслах этого слова! Твоя душа, твоё сердце, твои глаза, твоё роскошное тело. Даже твои мысли безоговорочно принадлежат мне! Ты принадлежишь мне, Марианна, и это не обсуждается!

Она скептически поджала губы, а мне вдруг до боли захотел прижаться к ним своими и целовать их, терзать, кусать, врываться в её рот языком, чтобы не говорила, чтобы дышала мне в губы, и я жадно пил её дыхание.

– А вот, что касается твоих слов об игре в одни ворота, то ответь мне на один вопрос, любимая: как может кто–то принадлежать тебе, если он не принадлежит сам себе? Я не отрицаю свою любовь. Я, скорее, мог бы отрицать существование солнца или луны. Поверь, малыш, мне легче отказаться от крови, чем от тебя. Но запомни: можно приручить Зверя, но нельзя забывать, что он никогда и никому принадлежать не будет. Это не его прихоть. Это его натура!

Она разочарованно усмехнулась и медленно выдохнула:

– Ник, я всегда знала, что ты очень самоуверен. Только почему ты считаешь меня все той же маленькой девочкой, на которой ты женился десять лет назад? Рядом с тобой я могла многому научиться. Ты так не думаешь? Я принадлежу тебе вместе с мыслями и всем остальным – звучит потребительски, не находишь?

Проклятье! Нет ничего сложнее, чем говорить с тем, кто не слышит твоих слов!

– Твою мать, Марианна! Это может звучать как угодно…Мне насрать…Просто так оно и есть!

– Я знаю, что тебе плевать. Только я не стану с этим мириться. Больше не стану, Ник. Только услышь меня, пожалуйста. Нет, не прослушай и забудь, а именно услышь – я не стану с этим мириться. Разве я прошу тебя принадлежать мне целиком и полностью? Ты не домашний зверек, Ник. Я прошу твое сердце. До сегодняшнего дня оно все же принадлежало мне одной. Я жила с этим, я дышала именно этой уверенностью, что как бы ты ни поступил, твое сердце, твоя душа принадлежат мне. Это давало силы бороться за наши отношения, за наши чувства. Да, я попросила слишком много, и ты дал. Это всё, что имело

смысл. Больше мне ничего от тебя не нужно. Похоже мы по–разному понимаем слово "принадлежать". Для тебя принадлежность – это мое тело, моя верность, мои мысли – а что ты дашь мне взамен, Ник??? Если даже не можешь дать мне уверенности в твоих чувствах ко мне.

Сознание затопила бешеная злость на эти слова. На ситуацию в целом. Она увидела меня с какой–то курицей и решила, что я не «принадлежу» ей. А ведь та женщина мне нужна именно для твоего спасения, Марианна. Что я даю взамен, малыш? А как насчёт уважения собственного брата и близких друзей? Как насчёт той репутации, которая только–только начинала складываться? Этого мало? Или того, что я стараюсь отбросить тошнотворные мысли какая я шлюха, торгующая сейчас своим телом для выживания? И точно так же совсем скоро буду расплачиваться за возможность всем нам выжить в этой грёбаной войне. Но об этом Марианне тоже не стоило знать.

Шагнул к ней и процедил сквозь стиснутые зубы:

– Милая, какие из произнесенных мной слов тебе ещё непонятны? Я не отказывался и не откажусь от тебя и ты это прекрасно знаешь.

– От меня? Или от моего тела? От чего ты не можешь отказаться?

От тебя, глупая! Без тебя нет смысла больше ни в чём!

– Хочешь, я скажу за тебя? – продолжила она, уничтожая меня этими фразами, давая мне пощечины одна сильнее другой, – Ты просто никогда не отдашь свое, и не важно, нужно оно тебе или не нужно, любишь или не любишь, просто оно твое и должно остаться твоим. С таким же успехом можно любить картину на стене, купленную за баснословную цену, или твой Лейбл, от которого ты тоже не в силах отказаться.

Твою ж мать! Лейбл! Она сравнила себя с алкоголем! Вся выдержка вмиг испарилась к чертям собачьим. Резко притянул её к себе и схватил за волосы. Движением руки дернул её голову назад, а другой сильно сжал грудь, намеренно причиняя боль за сказанные слова. Она всхлипнула, но зверю, внутри меня, в этот момент было не до жалости.

– Марианна, – прошептал ей в губы, удерживая взгляд, – у тебя роскошное тело…Не спорю…Ты и сама это знаешь…Но, кроме этого, ты отлично понимаешь, что стоит мне щёлкнуть пальцами, и сотнями прибегут женщины, не менее красивые, чем ты. Многие даже более искушённые в постели. И, если бы ты мне нужна была только из–за своих прелестей, я бы бросил тебя, давным–давно пресытившись ими.

Снова дернул её за волосы и медленно провел носом по шее, вдыхая запах и наслаждаясь прикосновениями. Первыми за последние пару дней. Она внутренне напряглась, понимая, что это не ласка, это моё желание наказать.

– Но когда я с тобой столько лет, когда я признаюсь тебе в своей любви, заметь, в открытую, значит меня интересует нечто большее, чем просто трахать твоё шикарное тело.

Я прикусил нежную кожу на шее, вызвав судорожный вздох.

– Например, как сейчас все любят говорить, твой богатый внутренний мир, то есть твоя душа. И это правда, девочка моя, я никогда не отдам своё, – провёл языком по месту укуса, понимая, что ещё немного, и я сам потеряю контроль, – но я могу отказаться от многого сам…И я отказывался, ты лучше других знаешь, что отказывался. От имущества, от своего положения в обществе, от своего окружения…Порой, даже от жестокости…И, даже, представь себе, на довольно долгое время от моего любимого Лейбла…Если надо будет, я могу отвергнуть брата и Фэй, друзей и знакомых. Единственное, от чего я не в силах отказаться – это ты, Марианна, Самуил, Камилла, и Ярик.

Я отпустил её волосы и сжал подбородок, заглядывая в глаза:

– Хорошо запомни эти слова, любимая. От того, что я не твержу тебе это постоянно, не значит, что этого нет. Они не приобретают большей ценности при постоянном повторении. Я слышу тебя, я прекрасно тебя слышу, и то, – стиснул зубы, успокаиваясь, – что ты не станешь мириться, я тоже услышал. И что же ты предпримешь, Марианна? Оставишь меня?

Она попыталась освободиться, но я сжал её сильнее, так сильно, что мог сломать, но не выпустить именно сейчас, ожидая ответа.

– Да, ты можешь иметь, кого угодно и когда угодно, только пальчиком помани, и все эти…они сами будут ползать перед тобой на коленях.

– Всё верно, малыш. Да только все они так и остаются на коленях, никогда не поднимутся в моих глазах до твоего уровня.

А Марианна, будто не замечала моей усмешки.

– Ты сказал, что давно бы бросил меня, но зачем тебе меня бросать? Когда можно иметь и то, и другое. Их тела и мой богатый внутренний мир одновременно. – Схватилась за моё запястье и сбросила руку с груди. – Мою душу, моё сердце ты топчешь изо дня в день, из года в год. Есть притча про стакан с водой, наполненный до самых краев, и иногда достаточно одной капли, чтобы вода хлынула наружу. Насчет того, что я предприму и оставлю ли тебя, – она истерически рассмеялась, – а у меня есть свобода выбора, Ник?

Отступил от неё на шаг. Не верилось, что разговор принял такое русло. Не верилось, что я собирался задать следующий вопрос той, в которой был уверен больше, чем в себе. Пристально посмотрел ей в глаза:

– А если бы была, Марианна, ты бы ушла? Несмотря на то, что это был твой выбор.

– Мой выбор был, когда я отдала свое сердце тебе. – Она нервно сцепила ладони. – Это был мой добровольный выбор. Я была готова к последствиям, и я была готова простить тебе очень многое, Ник. Ты сам прекрасно об этом знаешь, но если я пойму, что всё, что ты говоришь мне – ложь, что в твоих глазах больше нет моего отражения, что я не живу в твоем сердце – да, я уйду. Если ты позволишь уйти. Только физически можно удержать тело, и это не страшно. Страшно, Ник, когда уже больше ничего не держит душу рядом с тобой. Я надеюсь это не про нас. Я очень хочу на это надеяться.

Именно сейчас я больше всего проклинал Влада из–за его идиотского поступка с дочерью демона. Не сделай он этого, мне ничего не стоило бы вырвать собственное сердце из груди, чтобы показать ей, ради кого оно билось. Но я не имел права сделать этого теперь, когда на кон поставлена жизнь Марианны и моих детей. Да, мне дороже, чтобы она дышала со мной одним воздухом и ненавидела меня, чем погибла, сгорая от любви ко мне. Как бы я хотел вспороть

вены у неё на глазах, чтобы доказать, насколько моя кровь кипит только в её присутствии.

Единственное, что я мог, это ударить со всей силы кулаком по стене, сдерживая Зверя от желания причинить боль моей женщине:

– Дьявол, Марианна! После десяти лет нашего совместного Ада и Рая ты всё равно сомневаешься моих чувствах. Я прошу тебя. Слышишь? Прошу, не задавай вопросы!!! Просто доверься мне. Безоговорочно. Молча. Потому что, если я начну отвечать на них, всё может полететь к чертям…

Она судорожно сглотнула:

– Я еще доверяю тебе. Только мне все труднее молчать. Я слишком долго молчала. Все эти десять лет, как ты говоришь Ада и Рая, я молчала и шла за тобой с закрытыми глазами. Только сейчас у меня такое чувство, что ты ведешь нас к обрыву, на дне которого я сверну себе шею!

– Проклятье! – сердце болезненно сжалось от её слов, я прислонился своим лбом к её лбу, и прошептал, закрыв глаза, – Малыш, я не знаю…Может, ты и права…Может, это и обрыв…Но даже если и так, знай, что я не дам тебе свернуть шею…Если мы и упадём, то только вдвоём…И я буду снизу…

Она неожиданно обхватила руками моё лицо, пока я с упоением перебирал её волосы, успокаиваясь от простых прикосновений, выравнивая дыхание и пытаясь унять дрожь, охватившую всё тело от ярости, бессилия, непонимания…

Вдруг раздался еле слышный шёпот:

– Я больше не хочу падать, я жить хочу!

Мы одновременно открыли глаза, и Марианна вцепилась в воротник моей рубашки и закричала:

– Я, черт возьми, хочу жить, а не постоянно падать. Жить с тобой. Улыбаться, просыпаться рядом. Я устала падать, Ник! Я устала подниматься и собирать себя по кусочкам! Я. ХОЧУ. ЖИТЬ.

Нет, это не удар поддых. Это страшнее. И больнее. В десятки раз. Или в тысячи. Наверное, нечто подобное чувствуют пациенты, услышав от врача, что им ампутируют какую–то часть тела. И я сейчас был одним из этих больных, только что потерявшим последнюю надежду на полноценное выздоровление. Потому что та, от которого оно зависело, стояла передо мной, уже не скрывая ни своей усталости, ни слёз…ни того, что сама потеряла веру в нас. Ту самую веру, которая давала мне дьявольские силы всегда.

Сделал шаг назад и криво усмехнулся, раскинув руки в стороны:

– Живи, Марианна, живи! Вот только, как ты поступишь, если я всё–таки упаду?

Желудок скрутило в ожидании ответа. Затаил дыхание.

– Я буду молиться, чтобы этого не случилось. И без тебя я не живу, я существую. Хочу жить и смогу, это настолько разные вещи. Меня убивает, что ты знаешь об этом, и все равно ведешь меня за собой, а, точнее, ты меня тащишь, Ник. Насильно. Ты не даешь мне даже маленький шанс понять тебя.

Медленно выдохнул воздух. Не поймёшь, Марианна! А если и сможешь понять, то не примешь. Не мой вариант.

Я смотрел на неё и понимал, что это всё. Именно сейчас решится, открывается ли для меня ещё один фронт, уже в собственном доме, или же Марианна в который раз станет моим союзником. Что изменилось в ней? Она столько лет доверяла мне без долгих раздумий…Разлюбила? Устала от меня? Глаза заволокло пеленой ярости, снёс со стола посуду, обрушивая гнев на мебель:

– Чёрт побери, Марианна! Просто поверь мне! Не. Задавай. Вопросы! Не старайся понять! Ты узнаешь всё потом. Обещаю. Я всё сам расскажу. Но только потом! А сейчас просто поверь мне!

Её глаза расширились от неожиданности. Марианна, как никто другой, знала, на что я способен в порыве гнева. И сейчас меня всего трясло. Как в лихорадке. Я сам не мог понять, почему. Смешались сразу несколько факторов: это и ярость, и раздражение её упрямством, и страх потери тех крох доверия, что у нас были…и отчаяние от того, что пока я не мог раскрыть всех своих карт. Инстинктивно притянул её к себе, и она обняла меня в ответ, прижимаясь плотнее. Мы

простояли так несколько секунд, и я отстранился от неё, уже чувствуя, как начинаю терять контроль над Зверем, видевшим только один выход из ситуации: заставить согласиться с моими условиями через боль. Её боль. Отступил ещё на пару шагов назад, стараясь всё же предотвратить жестокость, и прорычал:

– Поверь мне, или мы снова пойдём уже по пройдённому кругу.

–У меня эти круги не кончаются! Не кончаются, понимаешь?! Круг за кругом. Первый, второй, десятый. Даже в Аду их семь, а у меня они БЕСКОНЕЧНЫЕ!

Я хотел привлечь её к себе, но она отшатнулась, скрестила руки на груди и дерзко посмотрела мне в глаза:

– Не прикасайся ко мне! Слышишь! Не прикасайся, чтобы успокоить меня! Это больше не работает, Ник! НЕ РАБОТАЕТ! Я не хочу, чтоб ты меня трогал. Я уеду сегодня же! Дай мне пройти. Мне больше не о чем с тобой говорить.

Сцепил зубы, сжимая руки в кулаки:

– Марианна, – хриплый голос срывался, – ни один из этих кругов ты не прошла в одиночестве. В этих котлах мы варились вместе! Всегда! Вдвоём!

Снова приблизился к ней и схватил за плечи, больно сжимая. Она попыталась оттолкнуть, и тогда монстр вырвался наружу. Я приподнял девушку над полом и буквально впечатал её в стену. Марианна больно ударилась головой и тихо всхлипнула, а я сильно тряхнул её и прорычал в лицо, отчётливо понимая, что его полностью сменила уродливая маска вампира с красными глазами:

– Никогда не разговаривай со мной в таком тоне, Марианна! Никогда. И это я решаю, есть ли у нас тема для разговора или нет и это я решаю, – сжал рукой шею, лишая возможности вздохнуть, – когда тебе надо уходить.

Диким усилием воли я заставил себя успокоится, унять зверя, и отпустил её горло, глядя застывшим взглядом на следы от моих пальцев, которые оставил в приступе бешенства. Она обессиленно сползла вниз на пол. Этот разговор закончится срывом, я не контролирую себя рядом с ней от дикого страха потерять и от ярости на себя самого и проклятую, дерьмовую ситуацию в

которой все мы оказались. Я должен оставить её одну. Немедленно.

– Сейчас уйду Я, а ты можешь собрать свои чемоданы.

Пошел к двери, и уже в спину получил контрольное:

– Я их уже давно собрала!

Замер на секунду, потом решительно распахнул дверь и с оглушительным грохотом захлопнул с другой стороны, так что штукатурка посыпалась на пол.

Вот и всё! Точка невозврата пройдена! И теперь есть только один курс – вперёд! В бездну! В кровавое болото, которое мне так ненавистно и так хорошо знакомо.

Глава 6

После встречи с Элис на душе скребли кошки. Да, я была в шоке, когда мне запретили выезжать из поместья, но все еще находилась в неведении. В своей ракушке в которой тепло и уютно, в иллюзии, которую мой муж поддерживал во мне это время…в то самое время когда за гранью этого мира все рушилось, взрывалось, горело.

Элис рассказала мне то, чего не сказал Ник, то, о чем не заговорил со мной отец. Мы больше не семья. Мы какие-то жалкие клочки, разорванные и раскиданные по разные стороны баррикад. Отец и Фэй недоступны и от волнения я не нахожу себе места, Ник тоже не отвечает на звонки, вокруг меня хаос, от которого начинается паника и лихорадка.

Когда за мной захлопнулись ворота, я невольно оглянулась на Элис, словно чувствуя, что больше никогда ее не увижу…ведь завтра утром чистильщики будут выносить обугленные тела из её дома. А сейчас мною все же овладел гнев, я редко испытывала эту глухую ярость, пожалуй, последний раз я злилась в детстве на Крис. Отец и мой муж все решили. Оба. Точнее Ник. Никто не думал обо мне, о моих чувствах, о чувствах Крис и о наших детях, нас разделили. Я

прекрасно понимала, что означает раскол клана – это разделение семьи. Это полный разрыв и граница между территориями. Европейское Братство, которое досталось нам такой страшной ценой, снова является государством в государстве. Когда я вышла замуж за Майкла, объединили клан, совершили невозможное и вот теперь спустя десять лет мы там, где начинали и хуже всего – я посередине всего этого. Я на грани. Это жестоко. Не знаю, какие политические игры они затеяли, с чем не согласился мой Ник, но я все же не на его стороне. Впервые я не поддерживаю и не принимаю это решение – семью нельзя разделять, мы сильны, потому что вместе, потому что братьев Воронова и Мокану уважают даже в Мендемае, с нашей силой считаются остальные расы, а теперь…мы слабы по одиночке. Зачем Ник так поступил? Почему? Я больше не хочу быть в стороне, я хочу понимать, какого черта здесь происходит, и я потребую объяснений. Если он решил все за меня, я хочу знать почему я должна принимать это решение и почему он не посоветовался со мной?

Я вернулась в дом и решила ждать его столько сколько потребуется, хоть до утра, сутками, но он со мной поговорит и даст мне объяснения.

Шли часы, я нервно ходила по зале, поглядывала в окно, снова отметив, что ограда под током, я позвонила ему на телефон несколько раз, но мне отвечал автоответчик, а я ненавидела это. Ненавидела, когда он делал вот так – ставил между нами стену своего идиотского [i]Мокануупрямства и мне оставалось только биться об нее головой.

В новостях показывали новые поджоги, убийства, массовые беспорядки на улицах. Мир сошел с ума. Я видела даже из наших окон зарева горящих зданий в центре города. Позвонила детям, поговорила с Сэми и Ками, услышала голос маленького и немного успокоилась, прилегла на кушетку. Снова включила телевизор. Наконец–то перестали показывать ужасы, творящиеся на улицах, пошли новости столичных тусовок, которые несмотря на беспорядки, продолжали отрываться в обычном режиме. Я заскучала, снова бросила взгляд на часы – полтретьего ночи, а его нет и все телефоны закрыты, рабочий сбрасывает на секретаря, личный отключен.

– Вы смотрите прямую трансляцию ночного ток шоу "Упс". И вы не представляете, какие кадры случайно попали в фокус нашего независимого

корреспондента. Пока на улицах творится беспредел, наши бизнесмены развлекаются в режиме нон–стоп.

Я хотела переключить и потянулась за пультом.

– Самый сексуальный и молодой олигарх, счастливо женатый на дочери одного из богатейших людей мира, засветился в обществе любовницы. Да, да, посмотрите на эту парочку, они только что вместе вышли из вип-комнаты в стрип клубе "xxx", самом злачном месте нашего города. Николас Мокану заботливо провожает свою спутницу к ее автомобилю. Обратите внимание на этот кадр.

Я выронила пульт и замерла, чувствуя, как сердце замедляет бег. Крупным планом, в полумраке показывали Ника с какой-то невероятно красивой женщиной, он вывел ее с черного хода к машине, придерживая за талию, точнее, немного ниже талии, и когда она нырнула в автомобиль, слегка хлопнул по ягодице, эдаким жестом удовлетворенного самца. Мне ли не знать этот жест? Женщина послала ему воздушный поцелуй.

Ник махнул ей рукой, достал сигару, прикурил и направился обратно в клуб.

Я выключила телевизор и закрыла лицо руками, пытаясь унять дрожь во всем теле. Так значит вот какая политика. В тот момент, когда я разрываюсь здесь от этой безысходности, после того как мой муж, разделил мою жизнь на две части, он развлекается, а я....а я как дура сижу здесь и жду его. Впервые за много лет, я снова увидела его с другой женщиной. Это было больно. Нет, еще не пришла та самая ревность и дикая тоска, когда ты осознаешь предательство, но появилась тягучая безысходность и отчаяние, которые нарастают постепенно внутри. Предчувствие, что с нами что–то не так. Я делаю не так или он…но что–то происходит.

Швырнула пульт в телевизор и выскочила на улицу. Мне нужно было глотнуть свежий воздух. Немедленно, потому что мне казалось, что я задохнусь.

Холодный ветер рванул мои волосы, взметнул подол платья, и я поежилась, увидев как приближается автомобиль Николаса. Я напрасно надеялась, что состоится разговор, мой муж отделался от меня с холодным презрением, словно я надоедливое, тупое насекомое, которому нечем заняться. А потом он наказал

Дэна, за то, что–то выпустил меня. У меня случилось дежа вю. Словно весь тот кошмар, что мы уже прошли возвратился обратно. Ник отдалился настолько, что сейчас мне казалось, что он меня ненавидит.

Ночью он пришел ко мне. Я вцепилась в подушку, когда услышала его шаги. Остановился за дверью, дернул ручку, зажмурилась ожидая сокрушительного удара, втайне надеясь, что он разнесет эту дверь, как и стену отчуждения между нами. Но нет, шаги стали отдаляться. Как и он от меня…быстро, каждый шаг как болезненный стук сердца, все дальше и дальше от меня. Мое сердце здесь, а его с ним, а раньше…раньше мое всегда оставалось там, где он, а его сердце там, где я.

–Это был твой выбор, Марианна!– я закусила запястье, сильнее сжимая подушку, чтобы не побежать за ним.

Я так и не пошевелилась, до самого утра. Даже днем я лежала и смотрела в потолок, слушая как тикают часы, как отъезжают и подъезжают машины, голоса слуг, стук в дверь, снова шаги. Только ОН не дома. Уехал еще до рассвета. Я не знала этого наверняка, но я чувствовала. Его присутствие ощущается всегда. Ближе к полудню я все же встала с постели и решила позвонить детям, меня ждал очередной удар под дых – мой сотовый заблокирован на исходящие звонки. Я бросилась к компьютеру, но интернет тоже отключен. Точнее в сети стоит новый пароль, и я его естественно не знаю. В ярости смела ноутбук со стола и громко застонала. Наказывает. Если я иду поперек его приказов, значит надо лишить меня возможности это делать. То есть просто отрезать от внешнего мира. Типа – смотри телевизор Марианна и вышивай крестиком. Я тяжело дышала, сжимая руки в кулаки. Через десять лет, десять лет проведенные вместе я все еще не могу понять его и никогда не пойму.

Я вышла на улицу, в надежде поймать чужую сеть. Смешно, если учитывать, что мы живем за городом в лесополосе. Но надежда умирает последней. Я хотела написать Фэй, чтобы она приехала ко мне.

Ничего. Глухо. Вне зоны доступа сети. В тюрьме в собственном доме. Я швырнула сотовый о каменную стену ограды и тот разлетелся на куски. Вопреки моему ужасному внутреннему состоянию на небе светило солнце, безоблачно, гладкая лазурь, синева. Бывали минуты, когда ЕГО глаза были такими же синими, как небо, когда он смотрел на меня. Пронзительно синими, удивительно нежными. Тоска сжала сердце очень сильно, заставив прижать руку к груди и стиснуть челюсти. Внимание привлек шорох. Я резко обернулась и замерла. Под деревом в тени сидел тот самый парень, охранник, которому ночью досталось от Ника из–за меня. Он прислонился к стволу дерева, прячась от палящих лучей солнца. Я бы прошла мимо, но все же остановилась, потому что почувствовала запах…запах гари и крови. Подошла к парню и прижала руку ко рту, кожа на его лице и руках покрылась волдырями и слегка дымилась, губы потрескались, и он тяжело дышал.

– Ты в порядке?

Охранник приоткрыл глаза и кивнул.

– В порядке. Передохну и закончу обход, госпожа.

"Голодный паек. Трехсуточная вахта…" – парень голоден и его специально заставили нести дежурство днем, чтобы солнечные лучи поджаривали его живьем, а регенерация наступала очень медленно, превращая каждую минуту дежурства в пытку. Я содрогнулась от этой жестокости. Что ж в разных способах изощренной мести моему мужу нет равных. Но кто сказал, что я не хозяйка в этом доме? Я склонилась к парню.

– Ты не восстановишься до ночи. Ты слишком голоден. Я прикажу отвести тебя в дом.

Я хотела уйти, но охранник схватил меня за руку.

– Меня разжалуют. Не нужно. Я справлюсь.

Я бросила взгляд на его обожженную кожу на запястье, потом посмотрела парню в лицо. Черт. Не помню его имени. Не знаю, как моему мужу удавалось

вызывать в них вот это фанатичное чувство преданности ему, они готовы за него дохнуть…или это страх. Боятся Мокану сильнее смерти. Плевать. При мне никто не будет здесь умирать от голода. Парень выпустил мою руку и закрыл глаза.

Через несколько минут я вернулась с пакетом крови, став на колени, надкусила краешек и подала парню. Он удержал меня за запястья.

– Не положено. Приказ есть приказ. Я солдат. Я обязан продержаться.

– Обязан умирать здесь потому что подчинился моим приказам? Потому что тебя не поставили в известность, что это не правильно? Нет. В моем доме, пока я здесь хозяйка никто не будет умирать от ран и от голода. Пей. Я тоже тебе приказываю.

Парень отрицательно качнул головой.

– Приказывать может только Господин.

– Насчет этого нет. Успокойся. Никто не узнает.

Я поднесла пакет к его губам, и просунув руку под затылок, помогла сделать глоток. Он пил жадно, прикрыв глаза от наслаждения, по бледному лицу пробегали сетки вен, с губ срывалось легкое рычание. Он допил, и я забрала пустой пакет. Волдыри на лице исчезли, но все еще оставались на руках. Прикоснулась к ним и закрыла глаза, чувствуя знакомое жжение под пальцами, забирая боль себе. Когда снова посмотрела на парня увидела, как жадно он вглядывается в мое лицо, словно с каким–то благоговением, восхищением. Странный взгляд…и глаза у него очень темные, почти черные. Я смутилась. Пожалуй, долгое время я вообще не замечала чтобы мужчины осмеливались на меня смотреть. Вот так открыто.

– Вы не должны были этого делать, – тихо сказал он и рывком встал с земли, подал мне руку, и я поднялась с колен. Сейчас его лицо приобрело здоровый оттенок. Я снова удивилась насколько он молод. Возможно был обращен в юном возрасте. Внешность вампиров весьма обманчива.

– Ты не должен нести наказание из–за меня. Завтра обещали грозу. Так что солнечные лучи больше не страшны тебе. Солнце уже не в зените, и ты сыт. Мы в расчете.

Парень смутился и отвел взгляд.

– Прости, я забыла, как тебя зовут.

– Дэн, Госпожа.

– Я запомню. В этот раз обязательно запомню.

Я вернулась в дом, выбросила пустой пакет в специальный контейнер и села в кресло. Слышала, как слуги переносят наверху вещи, как стучат двери комнат – я полностью переселилась в дальнюю спальню для гостей. Да, Николас Мокану – это тоже мой выбор.

Ты совершенно прав. Ты теперь не можешь иметь меня, когда тебе вздумается, да и тебе явно есть кого иметь на стороне. Желающих вагон и маленькая тележка. Я не готова позволить тебе прикоснуться к моему телу, пока ты топчешь мою душу. Я вообще не знаю к чему я теперь готова. Я хочу свою прежнюю жизнь, я хочу слышать голоса детей, и я хочу, чтобы мой муж уважал меня, уважал мои чувства. Я черт возьми, хочу, чтобы он пришел ко мне и …да, пусть не извиняется, пусть просто скажет, что он сожалеет, что он понимает меня. Одно слово. Маленькое. Одно единственное: "Соскучился"… Хотя, я уже не уверенна, что мне этого достаточно.

Но он не приходил ни в эту ночь, ни в последующую. И я решила уехать. Нам нужно побыть вдали друг от друга чтобы успокоится и принять какие–то решения. Рядом с детьми я смогу расслабиться и отвлечься. Пришла к нему сообщить, что уезжаю, в тайной надежде на то, что остановит меня, на то что прижмет к себе и все это окажется сном…дурным кошмаром…Только реальность оказалась страшнее кошмара. Я увидела зверя, того самого, который прятался внутри него все эти годы и мне стало холодно, так холодно, что я просто не

могла оставаться рядом с ним.

Я никогда не чувствовала такого опустошения как в эти минуты. Нет это нельзя назвать просто болью, это скорей всего разочарование, когда смотришь на свое отражение в зеркале и тебя тошнит от собственной ничтожности. Меня именно тошнило, я автоматически расчесывала волосы и смотрела самой себе в глаза. Я сама виновата. Во всем. Я всегда позволяла так к себе относится. Возможно я слишком многое списывала на его сущность на манеру поведения, которую полюбила когда–то, которая заворожила меня как мотылька завораживают языки пламени. Я всегда знала, что формат наших отношений далек от идеала. Нет я не мечтала о серенадах под окном, о романтических ужинах при свечах о приторно сладких признаниях в любви, но я все же хотела, чтобы меня любили…уважали, считались с моим мнением и в то же время я позволяла Нику доминировать во всем. Отдавала ему контроль собственноручно и на каком–то этапе…не знаю в какой момент я просто потерялась, стерлась на фоне его самого, стала тенью, всепрощающей домашней собачкой, которую можно и пнуть, и погладить и все по желанию хозяина и в зависимости от его настроения. Где в этих отношениях я сама? На каком месте? В котором часу в течении дня он думает обо мне и думает ли? Или я все же являюсь просто вещью о которой вспоминают в тот момент, когда она нужна больше всего, пользуются, а потом опять кладут в ящик и так до бесконечности пока эта вещь не износится, не сломается или ее просто не выбросят за ненадобностью. На каком этапе эволюции нахожусь на данный момент я? Похоже на самом последнем, все остальное уже пройдено.

Я заколола волосы на затылке, поправила рукава платья. Я должна приехать к детям бодрая и красивая. Главное, чтобы Сэми не почувствовал. Хотя, он уже наверняка все знает. Но я буду играть эту роль до конца, и они не догадаются насколько пусто у меня внутри. Я хотела только одного быстрее уехать, не успеть его увидеть перед отъездом, чтобы избежать ту волну болезненного страха потерять. Впрочем, как можно потерять того, кто никогда тебе не принадлежал? "Запомни Николас Мокану не принадлежит никому!".

Я запомнила. Более того, похоже эти слова легли на мое сердце еще одним шрамом, врезались в мое сознание как позорное клеймо. Позорное потому что я как всегда заблуждалась, считая, что имею право думать иначе. Меня ткнули лицом в грязь в очередной раз, показывая мое место. Да, это был мой выбор. Десять лет назад. Но не сейчас.

Я вышла из комнаты, невольно прошла по коридору и толкнула дверь нашей спальни. Подошла к трюмо и долго смотрела на нашу фотографию, где мы, счастливые улыбались фотографу. Я взяла ее дрожащей рукой, провела большим пальцем по его лицу.

"Ник…я все еще до боли люблю тебя…но я больше не хочу быть твоей тенью". Несколько секунд смотрела на снимок, потом сняла браслет с руки и положила на полированную поверхность. "Я буду любить тебя вечно"…Сейчас мне казалось, что эти слова означают совсем другое "Я буду ломать тебя вечно…я буду мучить тебя вечно".

Осторожно прикрыла за собой дверь и сердце дрогнуло. Он вернулся.

Спустилась по лестнице и все тело сковала судорога болезненного сожаления, унизительное желание прямо сейчас бросится ему на шею и умолять позволить мне остаться. Я сжала челюсти мысленно проклиная свою слабость. Ник остановился и посмотрел на меня. Я чувствовала его взгляд кожей, каждой клеточкой моего тела. Собрала все остатки гордости, силы воли и прошла мимо, к распахнутым дверям. Сердце застыло в жалкой надежде, что позовет, окликнет…но нет. Тишина, собственное дыхание и каждый шаг отдаляющий нас друг от друга все дальше и дальше.

Наверное, я была очень бледной, мне вообще казалось, что мои ноги стали ватными и что я с трудом стою, двигаюсь, разговариваю. Дэн подал мне руку и помог сесть в машину. Услышала тихое:

– Вы в порядке?

– Да, спасибо, – улыбнулась и он закрыл дверцу внедорожника.

Я стиснула пальцы чтобы последний раз не посмотреть на окна нашего дома. Потому что это больно. Больно вдвойне. Даже если ОН и провожает меня взглядом, то я могу сорваться и броситься обратно, а если нет, то я буду уничтожена окончательно. Не знать. Иногда это самый лучший выход. Просто не знать.

Машина отъехала, шурша колесами по мелкому гравию, и я сцепила пальцы, закрыв глаза и стараясь сделать вдох.

Нас сопровождал целый кортеж охраны. Нет, никто бы не заметил, знала только я, что две машины спереди и сзади – это сопровождение и вертолет, летящий над трассой это тоже охрана. Усиленная. Что ж иногда вещи бывают настолько дорогими, что их нужно охранять, но при этом они все же остаются вещами.

Прошло около получаса, а мы все ехали. Я посмотрела на часы. Вылет В Лондон через час, хоть это и личный самолет Ника все же мы опаздываем. Посмотрела в окно и сердце тревожно забилось. Мы едем по загородной дороге и совсем не в сторону частного аэропорта. Еще несколько минут я напряженно всматривалась в указатели, скорей всего едем другой дорогой, возможно в целях безопасности. Только внутри грызла неясная тревога. Когда мы проехали блок пост перед закрытой зоной, и дальше пошла полностью глухая местность без указателей я судорожно сглотнула – меня не везут в аэропорт. Я резко повернулась к Дэну.

– Куда мы едем?

Он отвернулся к окну.

– Куда мы, едем, черт вас раздери??? Я опаздываю на самолет. Немедленно вернитесь на трассу.

Я толкнула его в бок, потом повернулась к другому охраннику, он бесстрастно смотрел вперед, поправляя наушник от рации.

– Да, въехали на Нейтральную. Все понял. Отзывайте вертолет. Мы почти на месте.

Мною овладела паника, я испуганно смотрела по сторонам, судорожно вцепившись в сумочку.

– Что происходит? Вы меня похитили да? Я прошу немедленно вернуться обратно! Мой муж! Он все узнает, он порвет вас на части. Вы обязаны исполнять его приказы. Вы…

Дэн медленно повернул голову ко мне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/soboleva_ul-yana/lyubov-za-gran-yu-9-kapkan-dlya-zverya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить